

ЭЛЛИНА НАУМОВА

ОДНО К ОДНОМУ

ПОЛИНА И ИЗМАЙЛОВ

Эллина Наумова

Одно к одному.

Полина и Измайлов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984277
ISBN 9785448512957*

Аннотация

Может владелец холдинга спиться втайне от любящей жены? Да, такие долго принимают на веру ложь грешных мужей. Удержится ли топ-менеджмент от воровства у пьющего шефа? Исключено – и трезвого оберут при случае за милую душу. Способен ли протрезвевший и обнаруживший, что разорен, хозяин покончить с собой? Конечно, естественный выход для человека в отчаянии. Так ответили на эти вопросы полковник Измайлов и его сыщики. Только Полина упрямо твердила: «Нет». И, как всегда, оказалась права.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Глава третья	59
Глава четвертая	80
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Одно к одному Полина и Измайлов

Эллина Наумова

События вымышлены, возможные совпадения случайны. Автор не сомневается в том, что труд врачей наркологов благороден, тяжел и необходим человечеству.

Иллюстратор Вячеслав Уртеко

Дизайнер обложки Вячеслав Уртеко

© Эллина Наумова, 2017

© Вячеслав Уртеко, иллюстрации, 2017

© Вячеслав Уртеко, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1295-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Это в кино легко смотреть на похороны богатых. Навороченный гроб, парад иномарок чуть ли не у могилы, скорбные импозантные друзья, подруги в трауре от лучших модельеров. А вот Ленка Садовникова стояла у последнего пристанища мужа в синтетическом черном костюме, в котором еще в отрочестве хоронила свою прабабушку. Этакий вид печальной спецодежды на всю жизнь, если удастся сохранить фигуру. Я всегда думаю о пошлой ерунде, когда за предел. А тут он как раз и был.

Нет, закапывали гроб в майскую податливую земельку по высшему разряду. Блюли престиж фирмы. Не то чтобы не горевали, но о завтрашних клиентах заботились больше, чем о сегодняшнем покойнике. Поэтому в смысле рукопожатий, вздохов и шепотков было оживленно. А мы, не сослуживцы и не клиенты, стояли в своих лучших темных одеждах и плакали. Только у меня не получалось.

– Это шок, – объясняла недоумевающим плакальщикам моя подруга Настасья, – ее позже пробьет, еще тяжелее будет.

Гибель Ленкиного мужа Леонида Садовникова была столь нелепой, что в мою башку не лезло ничего пристойного. Не верилось, что именно он недвижим на белом атласе. Стыдно, но признаюсь: мне азартно хотелось, чтобы его по-

скорее зарыли. Я сама готова была взяться за лопату. Тогда, наконец, все завершится, мы поедем к Садовниковым, а Ленка, глядишь, уже чайник поставил и телевизор включил.

Во всем было что-то психушно-киношное. Представьте, директор крупной фирмы, он же создатель ее и владелец, тридцати девяти лет отроду упакован в дуб после лечения от алкоголизма. Хорошо представляете? Подвергся, так сказать, процедуре в дорогущей частной клинике. А, главное, зачем? Ленка курносый носом в стенку шикарной квартиры долбилась, аки дятел, чтобы выбить из нее или из себя приемлемый ответ. Не удавалось. Да, всякие презентации, бизнес-ланчи и ужины с нужными людьми автоматически прибывают предпринимателей к группе риска. Но ведь три четверти из них пьют лимонад вместо шампанского, минералку без газа вместо водки и крепкий чай вместо коньяка. Когда есть, что терять, не очень разбалуешься. Погоня за прибылью – занятие круглосуточное. Она же, сволочь, все время норовит увязаться за кем-нибудь другим, свернуть с проспекта в кривой переулок и никогда не останавливается. Более чем успешный Леонид Садовников был из тех, кто бережет здоровье на благо общества. Как Ленка могла прошляпить его алкоголизм? Бывают, конечно, скрытые алкоголики. Но они быстро переходят на легальное положение. А фраза «Леня Садовников – скрытый алкоголик» могла вызвать либо хохот, либо гневное требование взять дурацкие слова об-

ратно и подавиться ими, смотря, кто ее услышал бы.

Пытливая мама когда-то предложила мне тест. Кого выберешь, дочка? Парня, свалившегося под стол после первой рюмки? Или бодряка – весельчака, выпившего ведро и еще растащившего по домам слабаков? Я, не перекрестившись, захотела второго. «Дурочка, – сказала мама. – Первый – предел девичьих мечтаний. А другой сопьется в стельку в течение пяти, максимум десяти лет». Так вот, еще на первом курсе универа я сподобилась наблюдать самоэвакуацию Леонида Садовникова со стула на пол после тридцати граммов джина. Он действительно потерял сознание. Почему-то жутко стало оттого, что парень был старше нас, и оказался в студенческой компании из-за Ленки, в которую умудрился влюбиться с первого взгляда. И мы его сразу чуть не угробили. С тех пор, пока народ квасил, Леня восседал в сторонке с рюмкой, подчеркивая, рюмкой сухого вина, взирал на нас, скорее, с состраданием, чем с завистью, и частенько не допивал своей порции, даже когда девчонки приступали к исполнению любимого канкана на столе. И почему в юности студенток так тянет на стол? Воображают себя на сцене или подиуме? А, может, испытывают подсознательное желание истоптать мебель, требующую ухода полиролью, и распинать к черту посуду, которую по женской доле всю жизнь придется намывать?

Повело меня в сторону. Так я защищаюсь от неприятных воспоминаний. Но они нападают и нападают, чтобы снова

пленишь и заволочь в тот злосчастный вечер. Приятельница Ленка Садовникова позвонила часов в пять. Меня дома не случилось, и трубку снял шестилетний отпрыск Всеволод. Дабы не напугать чужое дитяtko, тетя Лена, кашляя и ревмя ревя, просипела, что с дядей Ленией не все ладно. Дескать, пусть мама, когда появится, срочно с ней свяжется.

– Мам, твоя подруга сильно в телефон плакала, – сообщил мне сын при скорой встрече. – Говорит, с мужем не все ладно. Он ведь бизнесмен? Тогда наверняка пришили.

– Поругались, скорее всего, – пробормотала я. И возопила: – Всеволод! Как ты выражаешься!

– Тогда взорвали или застрелили, – исправился послушный ребенок.

Я схватилась за аппарат.

– Поленька, По-о-о-ля, Ленечка умер на даче. То есть, похоже, покончил с собой.

– Что ты пила, Лена? Абсент? – довольно сухо поинтересовалась я. – Это галлюциноген, отпустит не скоро. Или опять хлестала текилу без соли и лимона стаканами?

– Знаешь, Поля, кажется, ее пил он, – почему-то зашептала Ленка. – Причем предварительно закодировавшись. Или влившись? Или вшившись? Я не разобрала. Но у него в кармане бумажку из наркологии нашли.

– Он пил? Вшившись? Ты сама где? В Кащенко? – заорала я, больше всего испугавшись ее шепота.

– Я дома. Только что звонили охранники с дачи. Поедешь

туда со мной? Ты стойкая.

– Сева, бегом вниз к Измайлову, – стоически завизжала я.

– Ага, все-таки пришили, – удовлетворенно констатировало чадо, для которого смерть еще является сугубо телевизионным действием, похоронным сериалом, длящимся переключением с канала на канал и бесследно исчезающим при нажатии кнопки «выкл». – Мама, что сказать Вику? Что ты опять намерена вляпаться в чужую грязь?

Детские вопросы, заданные подслушанными во взрослых ссорах словами. Я даже не посоветовала сынишке величать начальника убойного отдела, полковника Виктора Николаевича Измайлова по имени и отчеству. Мало ли что он мой любовник. Впрочем, не так уж и мало. Вик обитает этажом ниже. И, если не задерживается на службе, мне нет нужды отправлять Севку к моим родителям при возникновении требующих срочного выхода ли, выезда ли ситуаций. А вот насчет грязи, в которую меня вечно тянет... То есть прибывает к трупам, будто щепку к плавающим бревнам. И профессия журналистки вряд ли тому причиной. Бывает и нашу пишущую сестру выносит исключительно на кинозвезд, живых и здоровых. Как ни старается объективно вести криминальную хронику, все равно перечень дорожно-транспортных происшествий с участием знаменитостей получается. Но поскольку в данном случае речь шла о самоубийстве в особо извращенной форме, я с чистой совестью велела сыну:

– Скажи Виктору Николаевичу, что у моей приятельницы что-то стряслось с мужем на даче.

– То есть, что его взорвали!

– Всеволод!

Сказка про белого бычка.

– Ладно, мам, скажу. Если он узнает, что тебя опять знакомые на труп вызвали, то объявит план «Перехват» и вернет домой. А про твою любовь к Вику добавлять? – резвился мальчик.

– Сама, – выпалила я, – при случае.

– Нет, я просто подумал, ему приятно будет. И, когда он тебя вычислит, тебе зачтется.

Севка никогда не спрашивает, любила ли я его отца. И меня это тревожит. Впрочем, наверняка мама обсудила с ним мои сердечные дела. Как она говорит? Даже имея возможность очистить и обезопасить путь, подкуй жеребенка. Мама, мама. Она умеет обсудить все так, что любой остается при ее мнении. Иногда это устраивает.

Внизу загундосила машина. Я выглянула в окно и обомлела – в панике Ленка взяла Лексус мужа. В автотранспорте я совершенно не разбираюсь, но слышала от Садовникова, что его Лексус штука жесткая, требующая от водителя значительного напряжения и подготовки, то есть не каждому мужчине подвластная. А Ленка, как бы помягче выразиться, вообще не мужчина... Я поняла, что живыми до дачи, то есть загородного дома Садовниковых, мы не доберемся.

Но ведь не прикажешь выплакавшей глаза хозяйке сменить средство передвижения. Я обреченно поцеловала чуть вспотевшую макушку Севки, мысленно простилась с Измайловым и сделала шаг к прихожей.

– Мам, может, Вик с вами прокатится? Я и один побуду. Он все-таки полицейский.

Я зарделась от гордости и радости. Чувствительный мой малыш! Мгновенно реагирует на состояние матери! Но вовремя вспомнила, что мы с ним вчера смотрели «Один дома», и Севка завистливо изрек: «Мне бы так».

– Пусть полковник отдыхает, сынок. У него мертвых бизнесменов, как...

Чуть не ляпнула «собак нерезанных», настолько не доходило, что Леня мертв. Не абстрактный бизнесмен, а давний добрый знакомец.

– Мам, беги уж, пока Вик на втором этаже не перехватил, – не сдержал ехидства Севка. – Я следом за тобой.

Я снова чмокнула сынишку. Знала, что Вик у себя, что поднимется и проверит, запер ли Сева дверь, покормит мною у него приготовленным, погулять сводит. И, если они снова наедятся мороженого и слягут вдвоем с ангиной...

Я не успела придумать наказания. Лицо Ленки меня поразило. Опухшее – еще бы нет, с безумным взглядом – объяснимо. Но оно имело нежно-фиолетовый оттенок. Мне подумалось, что Измайлов пригодился бы, если не в роли детектива, то в качестве шофера. На секунду я решила прихватить

и полковника, и Севку, завезти ребенка к маме и спокойно втроем отправиться за город. Этой секунды Ленке хватило, чтобы сорвать машину с места. Мне лично показалось, что еще и с цепи. Просить приятельницу притормозить было чревато. Я прикрыла веки и сказала:

– Говори толком, что стряслось.

– Оказывается, у моего мужа были проблемы с алкоголем, несовместимые с жизнью, – пробормотала она.

Можно было ахать или спорить, но я не стала. Протянула, не соображая, уместно ли:

– Недавно Петюню, сокурсника, хоронили. Оставил семью с детьми, женился на любимой женщине, устроился на желанную работу, всем говорил о реальности счастья. А через полгода уехал на электричке в светлый березняк и повесился на крепком суку. Тогда мы ломали головы, чего не хватало. Ты же помнишь.

Она бегло меня оглядела, словно прикидывала, как половчее выпихнуть из машины.

– Извини, – понурилась я. – Думаешь, у Лени не было причин спиваться тайно ото всех?

– Думаю, нет, – трудно сглотнув, выговорила Ленка. – А кончать с собой и давно. Так просто кончать.

Я поняла ее и согласилась. Леонид Садовников был склонен не к эпатажу, а, скорее, к классическому театру. Но и в нем без зрителей не обойтись.

– Лен, не сердись, но не вирусный гепатит, не ВИЧ всему

виной? Бывают ведь и случайные жертвы. Правда, это единственное, что на ум приходит.

Ленка крутанула руль, по-моему, на триста шестьдесят градусов. Как ни странно, машина в кювет не кувыркнулась. Бедняга попыталась сдуть рыжую прядь со взмокнувшего лба и почти пролаяла:

– Я поразмыслила об этом. Бегло. Старалась без эмоций. Но он наверняка заразил бы меня. А я недавно обследовалась у гинеколога и сдавала кровь на эту пакость. Все чисто.

– Леня знал об этом?

– Разумеется.

Я нутром чуяла – Ленка права. Смерть есть этап жизни, а жил Леонид Садовников отнюдь не для самоубийства. Любил себя. Ленка была самой расчудесной женой, потому что он ее выбрал. Его фирма была совершенной и обреченной на процветание, потому что он ее создал. И так далее. Умирай он добровольно, ликвидировал бы дело, сжег офис, усадил Ленку в любимый норовистый Лексус и вместе с ней врезался бы во что-нибудь железобетонное.

Но какой-то частью рассудка, или что там у меня вместо него, я понимала: спокойнее будет, если Леня сам свел счеты с жизнью. Случаются же с людьми острые помешательства. В конце концов, в любой смерти ищут виноватого. Хоть Господа Бога – рано прибрал, хоть самого покойного. Чего стоит горький упрек: «На кого ж ты меня оставил»? А потом привыкают жить, не видя, не слыша, постепенно забы-

вая человека, и по мере углубления забвения, смиряясь. Или попросту учатся обходиться без. Поэтому я начала тихонько бухтеть, мол, всяко бывает, индивид всегда одинок в смерти, нам не дано и в себе-то разобраться, не то, что в другом, будь он и самым-самым близким. Близость – не тождественность. Надо уважать выбор и поступок любимого даже через свои боль и обиду. А уход из жизни – мужественный поступок...

Вряд ли Ленка меня слышала. Но не радио же было включать в подобной ситуации. А мое монотонное бормотание явно ее успокаивало и слегка отвлекало от собственных мыслей. Вернее, мешало думать о том, что нас ждет на даче. Так и ехали. Я уже давно умолкла, но и самой все казалось, что говорю, говорю, говорю.

У ворот маячил серолицый охранник. Не предполагала, что человеческая кожа может принимать столь разнообразные оттенки. У него был вид раскаявшегося душегуба, и именно поэтому заподозрить его в совершении преступления было невозможно. Он увидел, что Ленка не одна, и его передернуло.

– Не ты же меня поддержишь! – с ненавистью выкрикнула Ленка в опущенное стекло.

Во-первых, меня потрясла степень взаимопонимания. Не часто услышишь немедленный адекватный ответ на гримасу. Во-вторых, фамильярность. Чтобы Ленка к обслуге на ты обратилась? Она горничную, девочку моложе себя, Ольгой Михайловной величает. Ну, добро, шок непредска-

зуюм. Только охранник не окаменел от изумления, услышав такое. Тоже пребывал в шоке? А, может, Ленка нарочито грубым обращением давала ему понять, что винит в гибели мужа? Он же, естественно, не стал снимать с себя доли вины, которая всегда есть на человеке, нанятом за деньги беречь и не уберечь. Начались загадки! То есть продолжились. Я к чему нагнетаю? К своему тогдашнему состоянию. Я ведь еще ничего толком не знала о смерти Лени. Но, если бы не настроилась в воротах с неожиданной помощью Ленки и охранника на таинственное убийство, ни один сыщик в этом деле не разобрался бы. Даже полковник Измайлов.

Но пока по дому слонялись сонные мятые полицейские из деревенских и с любопытством музейных посетителей разглядывали безделушки. Клянусь, я позвонила к себе в редакцию только после прибытия телевизионщиков. Кто их вызвал? Как пронюхали? Каким образом проникли на участок? Мы с Ленкой материли их, почему зря. Хотя не зря, потому что типы наглые. Видели когда-нибудь сволочь, лезущую с камерой в дом с покойником через туалет, где была открыта форточка? А этот молодой да ранний лез, пока охрана выдворяла троих менее пронырливых. Мы с Ленкой заперли дверь снаружи, и пока он упоенно снимал санузел, рассуждали о мести. Так хотелось подставить под окно жестяную ванну с кипятком. Но даже с холодной водой совесть не позволила. Вот интересно, у нас с ней две разных, но по-

хожих совести? Или она одна на всех? Поняв, что в комнаты ему не пробраться, парень, не глядя вниз, спрыгнул. Он еще посмел материться! Сказал бы спасибо, что не осуществили идею с ванной.

Но вообще-то все было ужасно. Ленка Садовников был мертвее мертвого. Валялся на полу в кабинете с искаженным лицом и судорожно поджатыми ногами. Ленка порывалась к нему присоединиться и преуспела бы, не сделай ей встретивший нас охранник укол кордиамин под кожей. Я запомнила, потому что, прежде чем позволить сие, позвонила подруге Настасье, хирургу по профессии, и справилась, можно ли спасти Ленку подобным образом.

– А врача там нет? – зарычала Настасья.

– Есть, – призналась я. – Обкурен до предела. Осмотрел труп и заснул. Живую я ему не доверю. Другого доктора здесь не нашли и...

– Хватит, теряешь время, – заорала Настасья. – Дай трубку мужику, который знает слово кордиамин.

Минуту-другую хирург с охранником энергично общались. Я слышала что-то о крепком сладком чае после укола. Затем Настасья велела мне не мешать реанимационным мероприятиям. Но я сама вскрыла разовый шприц, набрала лекарство из качественно маркированной ампулы, предварительно проверив срок годности, и угрожающе бурчала в спину самозванца в медицине:

– Если с ней что-нибудь случится, я тебя прирежу. Доста-

точно, мужа насмерть ширнули, с женой этот номер не пройдет.

— Кто ширнул? — возмущался он. — Что ты мелешь? Хозяин сам услал всех отсюда.

При этом я упиралась ему под лопатку пилочкой для вскрытия ампул. И только ненормальный мог принять сию полоску алюминия за нечто, способное не то что проткнуть плоть, но и пиджак порвать. Неожиданно мужик меня зауважал. Развернулся, чуть не выткнув мне глаз использованной иглой, и похвалил за бдительность. Дескать, отродясь не верил в женскую дружбу, но теперь на грани. Я мрачно порекомендовала ему никаких граней никогда не переходить, отобрала шприц обернутой полотенцем рукой и спрятала в целлофановый пакет. Кажется, он всхлипнул. Не исключено, что от смеха.

Однако причины для подобной нервозности у меня были. Стражи порядка, повторяюсь, попались вялые и равнодушные. Штатного медика в участке не было, поэтому вызывали по списку дежурного из больницы. И надо же было именно сегодня такому дежуранту косяк забить. При нем из брючного кармана Садовникова извлекли справку, в которой тот двумя подписями подтверждал, что предупрежден о последствиях приема алкоголя после какого-то пролонгированного химического воздействия, то бишь медикаментозного кодирования. А местный лекарь, воздействовавший на себя немного иначе, сразу смекнул: Леня вколол себе внутривен-

но лекарство, которое в больших дозах провоцирует сердечные приступы, потом для верности принял стакан хорошей водки и скончался в муках. Смелым выводам способствовали валяющиеся на столе резиновый жгут, шприц, стекляшка от того самого импортного препарата, стоящие рядом ополовиненная бутылка водки и пустой стакан, плюс место свежего вкола на локтевом сгибе трупа. Формулировки заимствованы у доктора, так что претензии не принимаются.

Прежде чем он впал в спячку, я успела поинтересоваться:
– И от чего же Садовников скончался? От передозировки сердечного или от сочетания водки и этого, ну, которое это...

– Блокирует ацетальдегиддегидрогеназу, – легко подсказал врач.

– Кошмар какой! – вырвалось у меня.

Веселый специалист снисходительно и игриво взъерошил мне челку. Его распирала радость.

– Деточка, что сегодня врач не скажет, завтра вскрытие покажет, – изрек он и, напевая, отправился бродить по дому.

Меня затрясло. Я накрутила Ленку, та послала машину за Настасьей. Наша порывистая, неизменно встрепанная кровь с молоком ворвалась в кабинет, расшвыряв двух подпирающих косяки мужиков в форме, чего не заметила. Они восприняли такое явление такой дамы, как должное. На шум вторжения пришагал главный медик, поздоровался, познакомился и не обиделся. Более того, расхохотался:

– Коллега! Удачи! У вас зверски недоверчивая подруга!

Зверюга, то есть я, потребовала медицинской экспертизы на высшем уровне. И эта столичная штучка, виртуоз скальпеля с кандидатской слово в слово повторила заключение спеца анашиста из центральной районной больницы. Не хихикала, разумеется. Но задумчиво добавила третью строчку в их хулиганскую студенческую песенку:

– Короче, Поля, что сегодня врач не скажет, завтра вскрытие покажет, патанатом лучший диагност.

– Напрасно побеспокоила тебя, – облекла бешенство в вежливость я, – извини.

– Пошла бы ты, Поля, подальше. Где Ленка? Где этот санинструктор?

– Какой санинструктор? – обалдела я.

– Который вдову уколол. Их в армии учили оказывать первую медицинскую в виде само- и взаимопомощи. Перед Чечней. Сразу говорю – внутривенные он делать не умеет. А то у тебя глаза заблестали по варианту «мечта психиатра».

Недооценила я парня. По-настоящему воевал и выжил... Скорее он меня шприцем мог убить, чем я его пилкой для ампул.

– Как-то режет слух твое «вдова», – проямлила я.

– Надо называть вещи своими именами, – пожала плечами Настасья.

– А у меня язык не поворачивается.

– Лишь бы шея поворачивалась.

Я оглянулась и увидела тело Лени.

Тут позвонил главный редактор, с которым я связалась после налета телевизионщиков:

– Держишь оборону, Полина? Держи, девочка, держи. Будут еще всякие обзывать нашу газету занюханным изданием.

– Будут, – вздохнула я. – Потерпите, попридержите информацию, все-таки необходимо получить разрешение.

– Не придерживал бы, ты не сказала бы, что будут, – вздохнул порядочный журналист старой формации.

– Я в том смысле, что никчемных и бездарных никто никак не обзывает. Погодите...

Ко мне сомнамбулически приближалась Ленка. После укола она валялась в полузабытии в гостиной.

– Лен, можно сообщить общественности о гибели Леонида? – спросила я.

– А ты советовалась с адвокатами? – взвилась вдруг она.

Натренировал ее Леня. Я посоветовалась с адвокатами по телефону. Трое лысых мужчин в вызывающе элегантных костюмах примчались через двадцать семь минут, что означало их житие за городом в собственных коттеджах. Они мягко упрекнули Ленку в скрытности, мол, не подружкам, а им надо первым сообщать абсолютно все. Потом схватились, кто за голову, кто за сердце, кто за поясницу при упоминании телевидения. Их руки вернулись в висячее положение лишь после моих уверений в том, что кроме кадров с унитазом и умывальником Садовниковых ребятам ничего не досталось.

– Шила в мешке не утаишь, – пробормотал самый старший из троих.

И они пообещали не предъявлять претензий, если наше сообщение о смерти господина Садовникова «не будет изобиловать подробностями и домыслами».

– Это будет очень короткое и корректное сообщение, – сказала я. – Что еще я могу сделать для Лены и Лени? Ну, а уж потом другие грязи пональют.

Ленка снова зарыдала. Я быстро позвонила в редакцию и отвела приятельницу в спальню на второй этаж. Не успела спуститься с лестницы в холл, как туда вошли парни Виктора Николаевича Измайлова – капитаны Сергей Балков, Борис Юрьев и старший лейтенант Костя Воробьев. Значит, местные кадры сообщили наверх, начальство Вика вошло в курс дела и выходить не собиралось. Высоко котировался Леонид Александрович Садовников на Москве. Если бы он мог знать, кто будет разбираться в обстоятельствах его ранней странной смерти, остался бы доволен. Но сейчас за него удовлетворенно склонили лысины адвокаты.

Узрев меня, Борис Юрьев споткнулся на ровном месте. Сельские райотдельщики, которым не терпелось покинуть досконально осмотренный и со скуки подробно обсужденный дом Садовниковых, удивленно на него зыркнули, что еще сильнее настроило Борю против меня. В глубине души этот перспективный умник подозревает, что все трупы, возле которых я невольно кручусь, на моей совести. Я кля-

нуса, что просто с очень многими и разными в городе знакома в силу непоседливости и любознательности, а с людьми ведь постоянно что-то происходит, включая неприятности и даже трагедии – не верит. Я могу поставлять ему по два убийцы на каждую жертву – не поможет. И боготворимый учитель Бориса Виктор Николаевич Измайлов тоже в понимании ученика своего рода жертва. Околдовала я мудреца. Не мог он по доброй воле влюбиться в беспокойную тощую, среднего роста брюнетку. Тогда как Боря прочил ему в дамы сердца вальяжную рослую, пышногрудую блондинку.

Когда-то Настасья подарила мне словесную картинку с натуры: анатомичка, запах формалина, дежурные принесли на лотке так называемые препараты – мозг, гениталии, внутренние органы – в зависимости от темы занятия. Младший курс, офонаревший от зубрежки латинских названий, боящийся расчлененной человеческой плоти, хоть и храбрыющийся перед студентами других институтов, затравленно смотрит на очень немолодую преподавательницу. Та водит по журналу рукой, отпрепарировавшей не одну сотню трупов, и для затравки учит группу жизни:

– Вы, мальчики, не свихивайтесь на дылдах моделях. Помните, маленькая женщина – украшение дома, большая – украшение улицы.

Я все никак не найду случая рассказать об этом Борису. Молча украшаю, что положено, то есть мою, стираю, убираю, причем у мужчины, который до моего появления в его судь-

бе прекрасно справлялся своими силами. А именно, не мусорил, регулярно носил белье в прачечную и не ел дома ничего, кроме шоколадной пасты и мягких батончиков.

А вот Сергей Балков приемлет любой выбор своего наставника, хотя ему, степенному, моя импульсивность в тягость. Кстати, Юрьев не задумывался, каково Сереже выносить его истероидную артистичность? Но я никак не могу внушить Вику, что Балков более благодарный и чуткий последователь. Полковник упорно считает основательного Балкова рабочим приложением к интуитивному, творческому Юрьеву. Как бы то ни было, с Сергеем мы дружим.

Косте Воробьеву равно плевать на всех, кроме жены и новорожденного сына. Вообще-то в смысле пользы я ценюсь им выше, чем Измайлов, Балков и Юрьев вместе взятые. Потому что сто-о-лько знаю о памперсах, смесях для детского питания, диатезе и прямой связи младенцев с космосом. Костя даже считает долгом благодарности после каждой консультации делать мне скучные комплименты.

Итак, при виде меня Юрьев суксился. Он же лицезрел убийцу Садовникова, вину которой опять не получится доказать. Странно, но выражения его и охранника лиц были очень похожими. «Надо бы к зеркалу подойти, – промелькнуло в моей голове. – Я из дома выскочила впопыхах, поэтому запросто могла чего-то не одеть или забыть снять». Балков приветливо кивнул и улыбнулся улыбкой ребенка, к которому неожиданно сам собой прикатился мячик.

А Воробьев тихо засмеялся, предвкушая возможность беседы о рекордной продолжительности ночной сухости грудничка, дабы его мама во сне набиралась сил на дневные кормления. Я оглядела их вместе и невольно криво усмехнулась. Юрьев высок и тонок, Балков невысок и коренаст, а Воробьев – нечто среднее между ними. Подумала: «Насколько интереснее было бы по-другому. Но у природы все сгруппировано, типаж есть типаж, и никуда от него. А если и есть, куда, то, видно, не нам». Спасительные мои отключки – неожиданные мысли не по теме. Отвлекишись типажом, я не слышала, что прошипел Борис, и необходимость немедленно придумывать обидный ответ отпала. На время, надо полагать.

Ребят затормошили истомившиеся коллеги. После довольно беглого осмотра парни Измайлова внимательно изучили ту самую справку о введении в организм Лени препарата, который реагирует на алкоголь по принципу «лучше смерть». Бумажка лаконично предупреждала о возможных жутких последствиях даже крохотных и случайных доз спиртного и рекомендовала предъявлять саму себя реаниматологам в случае срыва. Если успеется, конечно.

– А на кой он себе другое зелье в вену вкатил? – озадачился Воробьев. – И так бы окочурился.

– Может, не верил, что действительно умрет от водки? – предположил Балков.

– Думал облегчить или ускорить процесс, – пояснил до-

гадливый Юрьев.

– Или пытался самостоятельно спастись, – влезла я.

Тут безудержно завyla незаметно появившаяся на пороге кабинета Ленка. К прочим своим достоинствам еще и галантный Борис вскочил и принялся утешать новоиспеченную вдову. Поскольку тело Лени выносить не торопились, прикрыть не догадывались, а смотреть мимо никак не получалось, я выскользнула за дверь и потащилась в кухню. При этом лгала себе, будто совсем не чувствую дурноты, а просто собираюсь принести страдальце хозяйке свежей водички. За столом я обнаружила Настасью и санинструктора. Крепкие нервишками экстремалы не без аппетита поглощали яичницу с колбасой.

– Я сутки на ногах без пищи. И парень от голода еле жив, – объяснила Настасья. – Ленка проснулась?

– Она в руках оперативников, – проямлила я.

И ретировалась.

Когда я вернулась в кабинет, Ленка затихала в углу дивана, Балков с Воробьевым перебирали какие-то бумаги на письменном столе, неизвестно откуда взявшиеся эксперты снимали отпечатки пальцев со всего, что попадалось им на глаза, а уединившийся возле окна Борис Юрьев по телефону жалобно ябедничал Виктору Николаевичу Измайлову на мое невыносимое присутствие, хотя лично ему я ни слова не сказала, кроме «привет».

– Наверное, вдова пригласила, – предположил Вик.

Ну, нормальный человек, все понимает.

– Опять пришла, – застонал Юрьев.

– Гоните ее оттуда при первой возможности. Сева капризничает без мамы. Не предполагал, что она ему настолько нужна, – рыкнул полковник.

Знал, змей, что я максимально приближусь к Юрьеву, чтобы уловить, о чем речь. Борис победно посмотрел на меня, но в приличествующий его убийственному комментарию момент мне на грудь бросилась недоутешенная им Ленка. Из недр дома вылезли адвокаты и заметались в поисках вальерьянки.

Полковник поинтересовался, почему все толкутся в одной комнате. Возмущение выражал крепкими словами.

– Только разгоним, снова, как саранча, слетаются, – пожаловался Юрьев. – Здесь технические неувязки с местными, Виктор Николаевич. Сейчас запрем всех приятелей Садовниковых где-нибудь. Они просьб не путаться под ногами не понимают. Правда, место происхождения далеко обходят.

Вероятно, Измайлов спросил, не с дворцовую ли залу несчастный кабинет размером.

– Вроде того, – буркнул Юрьев.

– Не хамите там от раздражительности, – устало велел полковник. – Особенно за Балковым следи.

Кое-как вытолкали в соседнюю курительную хозяйку с адвокатами, но меня не успели.

– Довольно филонить, – разъяренно фыркнула я. – Тех-

нические неувязки у них! Плохо стороживших сторожей будем опрашивать?

– Уже, – выдохнул Сережа Балков. – Они хорошо сторожили, Поля, не грехи.

– А где эта клиника для пропойц? Где врач, который его лечил?

– Найдем завтра утром, – неутомимо демонстрировал миролюбие Сергей.

– Отчитайся перед ней, отчитайся, – проворчал Юрьев. – Ее полковник велел домой к сыну гнать.

Я дышала ему в затылок, когда он говорил с Виком, и все слышала. Но таким образом Борис намекал, что ко всем моим недостаткам добавляет глухоту и слабоумие. Я снова не обиделась, потому что засмотрелась на труп Лени. Хоть тресни, придраться было не к чему. Самоубийство. Громадный кабинет в строгом порядке. По стенам картины. Высокие книжные шкафы. Кожаные диваны и кресла. Потухший камин. Возле него изящный резной столик и оттоманка, заметно облегчающие сдержанный стиль помещения. Они совершенно не вязались со шприцами, жгутами, ампулами. Даже с бутылкой – Леонид предпочитал хрустальные графины. Впрочем, сама смерть с этим милым предкаминьем не вязалась. «Почему? – терзалась я. – Зачем этак-то? Ему и пистолет купить – не проблема, и быстрого яда достать. Ведь и обкуренный доктор, и адекватная Настасья уверяли, что он умирал мучительно и совсем не молниеносно»...

– Виктор Николаевич когда-то сказал, что многие так себя наказывают, – словно откликнулся на мои сомнения Борис Юрьев.

Я обалдело подняла глаза на телепата. А, Боря читал лекцию Балкову и Воробьеву:

– Люди думают, что предсмертными добровольными страданиями искупают грехи.

– Сплошь и рядом такое, – хмыкнула я. – А то еще прочитают грамотные «Смирненное кладбище», в котором подбитый герой сводит счеты с жизнью с помощью алкоголя, и трясутся от благодарности подсказавшему способ автору. «Делать смерть с кого», знаете ли.

Мой сарказм был защитой. Леонид Садовников в отличие от многих имел совесть и, наверное, мог совершить самосуд в состоянии аффекта. Только не слабо ли в этом самом состоянии попасть себе в вену? Нет, как обычно, у меня не получалось резко разочароваться в человеке. Мама часто называет меня медведицей в том смысле, что надо слишком долго возить мордой по асфальту, чтобы достать по-настоящему. Все я норовлю объяснить и простить человеческие слабости. Леня же мне ничего плохого не сделал. Наоборот, хвалил за предприимчивость и инициативность, считал красивой женщиной и не скрывал этого. Меня потряхивало от необъяснимой жажды подвигов. Я, словно, собиралась бороться за него с убойным отделом Измайлова. Дескать, врете, Леня-ка не мог сам себя казнить. И спиться не мог. В то же время

передо мной лежал квиток из лечебницы и убеждал: приятель недавно, что называется, влился, дабы бросить пить для начала на год. Но, если он счел это необходимым, то мне, Настасье, Ленке, наконец, давно пора вшиваться. И еще трем четвертям наших общих знакомых не помешает. Сейчас уже точно не знаю, но, вероятно, я еще пыталась защитить наше право на рюмочку-другую, когда быт дождет. Но сподобься я предвидеть последствия своей упертости, струсила бы. Легче было смириться с самоубийством Лени и с горя навсегда завязать.

А в тот поздний вечер в дом понаехали заместители Лени и его друзья, и как-то вдруг все закрутилось. Народу прибавилось, но мешать сыскарям перестали. Пока они с одним разговаривали, второй брался доставить в морг патологоанатома с кафедры, чтобы тело долго не держали. Принимались за второго, первый уходил в курительную и вынимал из кармана айфон. Люди тревожили гробовщиков, священников, портных, гримеров, парикмахеров, поваров, хотя заняться ими можно было и с утра. Но все оторванные от заслуженного за день отдыха до единого изъевляли фанатичную готовность начать трудиться хоть сейчас. Нет, ничегошеньки я в этом мире не понимаю. И, наверное, никогда не пойму.

Глава вторая

Домой я вернулась за полночь. Мы с Настасьей оказались очень кстати, потому что в раже организационных хлопот и обсуждения последствий случившегося о Ленке постоянно забывали. Каждый думал, будто ей сейчас выражает соболезнования кто-то другой. В итоге, если бы не мы, сидела бы она одна в спальне, не имея сил даже плакать.

Сначала мы откачивали Ленку словами. Самое идиотское занятие на свете – говорить с тем, кто не может слушать. Хочет, ищет в звуко сочетаниях утешения и не находит – все не то, не так, никто страждущего не понимает. Когда до нас это дошло, Настасья вспомнила, что она врач и прихватила из клиники нечто мощно успокаивающее. Его она Ленке и вкатила с чувством. Десять минут ступора, и вдруг наша приятельница порозовела и разговорилась. Она норовила вспомнить всякую минуту, проведенную с Леной, в том числе интимную.

– Ты что ей ввела? Сыворотку правды? Мечту извращения, практикующего телефонный секс? – тихо спросила я после часа предельной сосредоточенности.

– Поль, я извиняюсь, лошадь с такой дозы давно заснула бы, – сокрушенно прошептала докторица. – перевозбуждение очень сильное. Давай потерпим, добавлять нежелательно. А то она завтра никакая будет.

– Святое, потерпим, – согласилась я.

Несчастливая Шехерезада отключилась на описании тысяча второй ночи с Ленечкой.

– Я предпочла бы этого не знать, – буркнула Настасья. – Скучновато любились.

– Ладно, главное, что им нравилось, чего уж теперь.

– Теперь ничего. А потом новый муж. Она ведь все наследует, Поль, да?

– Она.

– Везет.

– Настя, что ты несешь!

– Ну, подруга, после того, что я сейчас выслушала, Ленку впору с освобождением от брачных уз поздравлять. Имей ввиду, если, расслабившись, она разболталась об интимах, значит, проблемы были именно с ним, проклятушим.

– Знаешь, сейчас она согласилась бы, чтобы эти проблемы длились вечно.

– То сейчас. Поглядим на нее через полгода.

– Мы не слишком дряни? Сидим возле нее, сплетничаем.

– Не слишком, – отрезала Настасья. – Вот случись тебе завтра в своей газете ее откровения опубликовать, а мне сейчас набить сумку дорогими мелочами из тумбочек, тогда да.

Умей она сомневаться до колик, была бы отвратительным хирургом.

Развозил нас Костя Воробьев. Плотные Настасья и Сергей постепенно растекались по заднему сиденью, и Борис

Юрьев услаждал мой слух, то покряхтывая, то попискивая между ними. «Так тебе, Боречка», – злорадствовала я про себя, вольготно устроившись рядом с водителем. Привилегия человека, знающего наизусть нормы ежемесячного прироста и прироста детенышей. Но порадоваться зрелищу сплюсченного Юрьева не довелось. Меня высадили первой, чтобы не нервировать полковника.

Мужчины почивали – Севка в своей постели, Вик в моей. Если бы он изволил разложить диван, пока не сморило. Или хоть проснуться от тычков любимой и любящей женщины. У меня был выбор: рухнуть на пол, сползти в квартиру Измайлова и использовать по назначению его кровать или притулиться к одному из спящих. Последнее было быстрее и проще всего. Честно говоря, спускаться на этаж не доставало уже сил, а валяться вместо коврика, на который, пробудившись, полковник спустит ноги, тупости. Севка спит беспокойно, поэтому я выбрала Вика. Но он на непривычно узком ложе брыкался похуже мальчишки. И, как ни старалась я занимать поменьше места, к утру была порядком испинана.

Едва открыв глаза, вместо извинений Вик заявил, что никогда так отвратительно не спал.

– Не верю, милый. А сутками пребывая в засаде или преследуя бандитов? Неужели не доводилось дожидаться, когда проснется напарник, и прикорнуть на кафеле в подъезде, в куче голубиного помета на чердаке или на комковатой зем-

ле?

Измайлов не удостоил меня ответом и направился в ванную. В знак протеста против выраженного молчанием пренебрежения я приготовила ему холостяцкий завтрак, то есть наделала бутербродов и сварила кофе. Он зарычал, что и не ел столь же плохо никогда. Это было уже явной ложью.

– Хоть бы молочной овсянки сварила, – размечтался Вик.

Пришлось срочно обидеться и отправиться досматривать свои сны, в коих я, жуя булку с сыром, отбивалась от каких-то налетчиков, вооруженных костылями. Они гнали меня к наркологам и кричали, будто сыр отравлен. Если я была достойна кары за скудное утреннее питание полковника, то получила сполна. Когда кошмар, наконец, сошел на нет, и начался полноценный отдых, я услышала суровое:

– Мам, привет, есть хочу.

– Доброе утро, Севушка, – сказала я.

Но верхние и нижние ресницы еще минут десять цеплялись друг за друга, не давая мне прозреть. Войдя же в кухню, я обнаружила сына, за обе щеки уплетающего то, от чего с негодованием отказался полковник. Изредка Севка блаженно жмурился и уверял:

– Это не каша!

Попробуй им угоди.

Далее обстоятельства складывались одно к одному. Раздался телефонный звонок, и печальный незнакомый женский голос попросил о встрече:

– Полина, давайте поговорим, где вам удобно. Только по возможности скорее. Если вы не хотите выбираться из дома, я сама к вам подъеду.

– Вы представиться забыли, – сообщила я.

– Ой, простите, это от хронического нервного расстройства. Я – Юлия.

Выяснилось, что общения со мной нетерпеливо жаждала подруга бывшего мужа. Нам с ним удалось сохранить человеческие отношения. Он усиленно обеспечивает будущее сына, возит отдыхать, забирает на выходные. На мой счет деньги переводит, хотя знает, что я их принципиально не трачу. Экс-благоверный твердо убежден – жены бывшими не бывают. За четыре года, что мы врозь, он и мне ухитрился это вдолбить. Поэтому у меня не было причин отказывать его девушке во встрече. Одно необычно – раньше мы с ним обсуждали любые проблемы без посредниц.

– Вы действуете по собственной инициативе, или он вас уполномочил?

– Фифти-фифти, – ответила она.

И привела мое неумное любопытство в рабочее состояние.

– От меня что-нибудь потребуется? Если деньги, я сразу сниму в банке. Если время, отвезу сынишку к маме.

– Время, – без признаков колебаний решила она. – И терпение. Полина, вы себе не представляете, что с ним происходит.

Ее распирало желание выговориться, меня – послушать. Редкое совпадение, и губить его смысла не имело. Договорились, что она навестит меня через полтора часа.

Севку подгонять не пришлось. Смышленный ребенок чуть ли не с рождения приистрастился вить веревки из обожаящей его бабушки. Оба при этом испытывают наслаждение. И хором отвергают, как робкие попытки деда «насадить в доме подобие дисциплины и распорядка, потому что мальчик – это не девочка», так и мои энергичные требования того же. Только не подобия, а настоящего. В общем, бабушка с внуком находятся в постоянном заговоре против всего здравомыслящего на свете. И дабы эта предприимчивая, веселая парочка не приступила к осуществлению террористических актов, мы с папой по мере сил не провоцируем ее на борьбу с собой.

– Опять малыш мешает жить, дочка? – для вида проворчала мама.

– Отдам в детский сад, пусть развивается вместе с себе подобными, – пригрозила я.

– Они ему не подобны!

И меня быстренько выставили из родительского дома, пожелав удачи в делах и счастья в личной жизни. Последний пункт этой программы – минимум мама всегда выделяет интонацией. Не верит, что можно неплохо чувствовать себя рядом с полицейским, расследующим убийства, да еще при двадцатилетней разнице в возрасте.

– Что-нибудь одно, дочка, – учит она. – И то многовато на твои хрупкие плечи.

Плечищи, если честно, широковаты, поэтому я частенько морю себя голодом. Но, когда лет десять назад мама подумала, что у меня из-за среднего роста и нормостенического телосложения в окружении «сплошных манекенок» может возникнуть комплекс неполноценности, она стала определять их исключительно так. И ведь, поскандалив, повоевав за свое право на голую, горькую истину, я привыкла. А остальные почему-то даже не пытались оспаривать заявление. Если дама уровня мамы сочла мои плечи хрупкими, значит, это самое они и есть. Баста.

Но я отвлеклась. А тогда неслась на всех парах, едва не забыв купить чего-нибудь к чаю. Наверное, Юлии тоже было интересно на меня взглянуть, потому что к двери подъезда мы прискакали ноздря в ноздрю. Если бывший муж ставил целью найти нечто, и отдаленно не напоминающее меня, то он преуспел. Я впервые подумала о том, что выбор подходящей Измайлову пассии производился заботливым эстетом Юрьевым не с кондачка. Почему-то бывший супруг после меня тоже остановился на высокой сексапильной блондинке. «Ну, теперь ясно, какая у Вика будет следующей, – не упустила я случая потравить душу. – Полагала, Боря блажит. Ан, нет, знает некий секрет закономерности смены мужских вкусов. Бабник подпольный!» Тем не менее, при виде Юлии настроение мое не испортилось. Я, к несча-

стью своему, из тех, кому гораздо неприятнее было бы наткнуться на собственного двойника.

Ощувив себя неповторимой, я легко пригласила девушку в дом. Ее лицо ничего кроме озабоченности не выражало. Отчаянной озабоченности, впрочем. Мне даже мысленно фыркнуть по поводу переизбытка косметики на нем в дневную пору не захотелось. Десять минут, пока я метала на стол угощение, Юлия молча глотала слезы. Я заволновалась. Но гостя вдруг решила дать слезам волю и разбавить ими чай. Спасибо, что свой, а не мой. Снова надо было ждать, когда она успокоится. Наконец, девушка мне такое выдала! Честное слово, я предпочла бы перспективу уговоров моего бывшего на ней жениться.

Экс-благочестивый, пресытившись трудовыми буднями и, предполагаю, Юлией, впервые в жизни впал в лютый запой. Неделю не просыхал, уверял, что скоро проснется утром трезвым и обновленным, но похмельные страдания все усиливались. Теперь с непривычки он думает, что вот-вот отбросит коньки. Пора спасать человека. Но он вопит, что намерен сдать врачу только под моим руководством, ибо... Правильно, как ни противно слышать об этом Юлии, жены бывшими не бывают.

Я перепугалась. Кретинка! Только вчера категорически отказалась верить в алкогольную зависимость Леонида Садовникова. Вот она, моя глупая самоуверенность. Да что мы знаем о людях, которых видим раз в два-три месяца? Разве

долго пристраститься? Я минуту назад могла бы поклясться, что бывший муж и не то что запой, но банальный перебор несовместимы. Как там Хемингуэй считал? Все мужчины после тридцати алкоголики? А женщины, кажется, шлюхи? Что ж, и Садовникову и моему эксу к сорока. Так, не стоит демонстрировать этой девице свою растерянность. Плевать на впечатление, просто кто-то из нас троих должен быть тверез и спокоен. Соображай, Полина... И я немедленно вслух спросила:

– Где, где быстро найти хорошего специалиста, не поднимая лишнего шума?

– Газеты пестрят объявлениями, – устало сказала Юлия. – Выводят из запоя хоть в стационаре, хоть на дому, хоть в офисе, хоть у черта на рогах. Я массу телефонов выписала. Но он обозвал наркологов сообществом шарлатанов, наживающихся на чужих несчастьях. И требует вас к своему смертному одру.

– Прямо профессионал бутылки, – разозлилась я. – Еще никогда не лечился, а уже хорохорится. Или было дело? Только честно.

– Не было, – заверила она, сложив на груди руки.

– Ладно, Юлия, крепитесь, начинаем принимать меры.

И я набрала знакомый номер.

– Настя, у меня тут на примете новоиспеченный пьяница появился... Да, после трагедии с Леней одно к одному... Бог с тобой, живой... Пока еще... Умирать не хочет, но всю

психиатрическую службу заранее презирает. Словом, нужен опытный доктор для анонимного лечения, чтобы с первой попытки отвадил... Когда нужен? Даже не вчера, а неделю назад!

– Сколько же у тебя знакомых алкашей и наркош, – воскликнула Настасья. – Не тусуйся ты с богемой, ведь или заразишься алкоголизмом и наркоманией или с ума сойдешь. Судя по твоему окружению, нормальных людей в мире вообще не осталось.

– А ты?

– Шутница, однако. Перезвоню, как только, так сразу.

– Будем ждать, – сообщила я Юлии. – Это моя подруга, хирург и человек, она не подведет.

Девушка покорно кивнула. Потом еле слышно спросила:

– Полина, у вас выпить ничего не найдется? Понимаю, что сейчас просить неловко, но сил больше нет. Я до предела вымоталась.

Мало же ей надо было для восстановления силенок. Чтоб все так закладывали за воротник.

Через полчаса деятельная Настасья частила в трубку:

– Поль, записывай. Илонов, да, да, Илонов Сергей Степанович. Рекомендован нашим заведующим отделением, как замечательный психиатр. А то, знаешь, было время, в наркологию брали всех – стоматологов, педиатров, санитарных врачей. По-моему, ими большинство из них и остались. Так что в качестве Илонова не сомневайся. Он сейчас на частном

приеме. Если твой больной не заартачится, успеете. Сказал, для первого раза лишь бы чуть-чуть всасывал. В смысле человеческую речь понимал.

– Он вменяем? – спросила я у Юлии.

– Мог без меня и накидаться, – мрачно предположила она.

– Спасибо, Настена. Мы попытаемся вывести пациента на доктора сегодня же. А вдруг не получится?

– Сама Илонову звякни, договорись. Предупреждаю, он берет очень дорого, но от работы не бегаёт. О том, что твоя очередная пьянь ограничена в средствах, ты не говорила, требовала качество, которое недешево стоит, не обессудь. Пока, Поля. Не пропадай. Скоро Леню хоронить. И Ленку надолго оставлять нельзя.

Я вскочила и бросила затихшей девушке:

– Помчались, Юлия.

Само наличие общей беды у бывшего мужа и трагически кончившего приятеля подстегивало лучше пучка крапивы. Кому ведомо, что Леня с собой сделал и почему? Может, поздно влился? Может, выпить уже хотелось сильнее, чем жить? Теперь я вовсе не была уверена в том, что кто-то помогал ему умирать. Между непьющим и пьющим, особенно втихаря, колоссальная разница. А пример экса показал, что никто не застрахован от злоупотребления зельем. Я почти побежала. Взбодренная рюмкой коньяка Юлия резво потрусила за мной.

Экс-муженек оттягивался в своей городской квартире.

Картинка там меня ждала грубо лубочная. Косматое существо в австрийских шелковых трусах и ботинках на босу ногу сидело за компьютером и высчитывало дозволенное медициной количество спиртного. Рядом стояли электронные напольные весы. Вероятно, получающиеся цифры человека не устраивали: он бормотал проклятья почти пологой линии графика зависимости допустимой дозы алкоголя от массы тела.

– Надень костюм, куртку, дубленку и выпей литра три воды с марганцовкой. Заметно потяжелеешь и заодно промоешь желудок, – посоветовала я. – И не мучай себя так. Сейчас я тебе в уме все сощелкаю. Ноль целых шесть десятых оборота умножаем на твои семьдесят килограммов и получаем сорок два. Ровно сто граммов пятилетней выдержки коньяка – твой предел.

– Сорок два же грамма, – уныло поправил он. И горько добавил: – Всего-то пятилетней выдержки коньяк! За кого ты меня теперь держишь.

– О, да ты и впрямь лихо погудел. Сорок два оборота, их на вес умножали. Градуса сорок два.

– Еще сто граммов можно, – засуетился он.

На моей памяти в его баритоне никогда не звучало столь полноценной радости.

Настасья права, пьющих приятелей у меня навалом. Последнее часто в буквальном смысле. И обращаться с этим народом я умею. Главное, не ругать – каждый из них сам себя

поносит за отколотый номер запоя в меру лексического максимума. И не жалеть, иначе их самобичевание быстро превращается сначала в самозащиту, потом в нападение. Я прикинула запас прочности перспективно начинающего пьяницы и, поскольку доктор ставил одно условие – восприятие человеческой речи на слух, щедро предложила:

– Прими сто пятьдесят. И поедem к врачу. Или сюда пригласим?

– Думаешь пора, Поля?

– Пора, ой, пора. Тебе самому не вмоготу. Уже в разгаре период, когда без спиртного худо, и с ним не лучше. Ты наверняка детокса хочешь.

– Да, я ведь по натуре трезвенник, – скромно признал он.

– Без комментариев. Давай рассуждать. Люди делятся на пьющих и непьющих. Пьющие – на запойных и изредка перебирающих. Запойные – на самостоятельно выходящих из штопора и выбирающихся с медицинской помощью. Ты оказался в числе...

Я едва не брякнула «последних», но остереглась будоражить словом пьяное самолюбие.

– В числе пациентов, – засмеялся он. – Но это случайность.

Изящно себя пощадил. Я всмотрелась в него повнимательнее. Иногда казавшийся трезвым вдруг впадает в пьяную отключку, а «совсем плохой» демонстрирует чудеса логики. Все-таки человеческий мозг суть тайна и непредсказуемость.

В том, сколько и чего надо, чтобы его уничтожить, мало, кто разбирается, тем более на глазок.

Экс-благочестивый был, насколько я поняла, перебравшим при опохмеле. Но еще не безнадежным для лечения. В первое посещение его главное затащить под капельницу. С остатками зелья в крови после нее бороться уже легче. А, если подкормить удастся, организм какое-то время словно благодарит за организованный побег из ада хорошим настроением и желанием трезветь дальше. Как говорят наркологи, похмелье – ерунда. Пять, от силы семь суток, и физических страданий нет. Это потом начинается самое мерзкое: хочу – нельзя, хочу – нельзя. Но почему-то все пьющие боются именно этих пяти – семи дней и ночей.

– Слушай, Поля, а не перенести ли нам встречу с доктором на завтра? – счастливо осенило бывшего мужа. – Полдня прошло, наверное, с утра лечиться полезнее.

Юлия возмущенно ахнула и кинулась из комнаты с воплем:

– Скот законченный! Опять обманул! Хоть кого ему привези, все равно не остановится!

– Сама скотина, – огрызнулся потрезву очень похожий на джентльмена мужчина.

Его надо было выручать и поскорее. Если откровенно, манеры девушки мне не понравились. Наверное, скотов не много видела. Она исчезла в недрах квартиры, которую с таким тщанием обставляла я, и не возвращалась. За это не осу-

дишь – натерпелась. Но и сдуру стершего грань между теорией и практикой запоя экса было жаль. Заговорив о враче, он попросил помощи. Надо было действовать. «Обязательно расскажу ему про Леонида, когда очухается, чтобы трескаться неповадно было», – пообещала я себе. И принялась за Юлиного бойфренда, перед бой или перед френд вставлять «пардон», всерьез.

– Тебе уже минута казалась вечностью, когда пытался терпеть и не пить? Уже торопил свою единственную жизнь вопросом: «Когда же это кончится»? Чем быстрее окажешься под капельницей, тем больше светлых мгновений сохранишь. Итак, что мы решаем? Приглашаем доктора сюда или показываемся шоферу в такой форме?

– Формалистка!

– Это называется плоский алкогольный юмор. Давай заострять его методом очистки организма от токсинов.

– А давай, на фиг.

Я позвонила Сергею Степановичу Илонову. Воистину он не от работы, а к ней бегал. Договорились, что часа через два – три прибудет к страждущему.

– Доктор, я его сто пятьдесят граммов на такой срок не растяну.

– Милая моя, коль уж я пообещал свое присутствие, растягивайте пол-литра. Но именно растягивайте, а не вливайте.

«Пол-литра» мне не понравились. Человек, заломивший за услуги такую цену, мог бы быть осторожней в определе-

ниях. «Бутылочка «Наполеона» – звучит лучше. Но, в конце концов, ему виднее. Экс-мужу я сурово сообщила:

– Доктор позволил двести пятьдесят граммов, но очень медленно, с перерывами. И неплохо бы поесть горячего мяса.

– Молодец, Поля! – вдохновенно воскликнул он. – Я верил, что ты найдешь настоящего врача. А то Юлька кому-то позвонила, он велел до вечера соблюдать сухой закон. Раз так, и от бифштекса не откажусь, – расхрабрился больной с гримасой крайнего отвращения. – Вот только хлебну для аппетита...

Конечно, эта пьянь уговорила две бутылки без закуски. Но мне удавалось после каждой рюмки впихивать в него по таблетке активированного угля. Я более не сердилась на психиатра. И на сорвавшуюся на крик Юлию. «Пол-литра» меня покоробили! Как он их из горла хлестал! Плодово-выгодное, которое дурным словом поминал мой папа и сентиментально-добрым Вик, сошло бы. Нет, я не жалела его денег. Просто, если все равно, что хлебать... В детский дом отдал бы... Да, если бы они все... Да, если бы мы все отдали... Нет, отговариваемся, дескать, большая часть взрослому вору достанется...

Иметь приветливую рожу при подобных наивных и грустных мыслях нельзя. Поэтому кандидат медицинских наук, настоящий психиатр Сергей Степанович Илонов увидел на пороге то, что увидел. То есть меня, изнуренную реше-

нием вечных проблем. Но предварительно объясню, как я подменила Юлию, хотя поначалу контактировать с доктором не собиралась.

Давеча похвально ограничивавшая себя девушка банально надралась где-то между кухней и столовой. Впрочем, почему где-то? Там есть уютная широченная арка, в которую я воткнула старинное высокое кресло, больше похожее на стул, и строгий торшер. А напротив повесила картину, писанную другом художником в те времена, когда он еще во что-то верил. Муж тогда сопротивлялся, дескать, не модно. А теперь я снова посмотрела и похвалила себя от души. Здесь и без спиртного покой становился составляющей крови и растекался вместе с ней по всему телу. Так что Юлия не зря облюбовала сие место для релаксации. Да так расслабилась, сердешная, что волоком пришлось тащить на кушетку. Девчонка только бормотала, что она не рыжая. Было забавно слышать, как введший ее в искушение своими злоупотреблениями мужчина осуждающе бросил:

– Пьянчужка.

– Молчи уж, – сказала я. – Когда, напившись, валятся с ног, это нормально. А, когда подобно тебе приобретают горизонтальное положение и даже начинают ходить и говорить, не совсем.

– Ты при последователе Гиппократе поработай моей женой, пожалуйста, – серьезно попросил он. – Чтобы не подумал, будто я бесхозный. Сама же читала мне лекцию, что для

нарколога наличие у клиента работы и семьи – гарантия половины успеха лечения.

Я почувствовала приступ совестливости. Потому что, отличное слово, самолично разрушила эту самую семью. Не вынесла испытания богатством, стыдно было перед бабеньками на улицах, перед друзьями, оказавшимися неспособными продавать, да чего уж там, покупать выгодно. И вместо того, чтобы утешиться якобы потраченными на их пенсии и пособия налогами, ушла в люд из метро и автобусов. Жалею ли? Бывает. Но не болезненно часто. Я сморгнула покаянную слезу и уперто постановила:

– Женой притворяться не стану. Это при спящей-то за стеной Юльке. Надеюсь, ты пьян, но не подл. Можешь поразвлечь врача правдой. Он столько исповедей за день выслушивает. И, подозреваю, что они набивают оскомину похожестью. А можешь сказать ему...

– Что ты старая-престарая знакомая, – хихикнул он. – Случайно сюда забрела. Если не желаешь даже понарошку считаться моей женщиной.

Я снова поразилась человеческой способности столько пить, не теряя сознания. Ученые утверждают, что мы используем мозг лишь на несколько процентов, остальное обречено умереть нерастраченным.

– Условились о моей роли. Слушай, а мы уничтожаем алкоголем только излишки мозгов? Тогда какой же ты умный! Он был на высоте. Взгляд бешеный, но руки фиксированы

туго сплетенными пальцами, и рот на замке. Только хряпнул еще порядком. Тут я как раз и задумалась о сиротах. Он прильнул к горлышку второй бутылки. Я мгновенно очнулась, но отобрать сосуд не успела – в дверь позвонили. На экране возник неизвестный господин и после соответствующего вопроса представился вызванным, нет, приглашенным доктором Илоновым. Он не дергался, не искал глазами переговорное устройство, видно было, что привык к всякого рода охранним электронным штучкам.

– Пустим? – спросил экс-супруг, взбалтывая остатки коньяка.

Это был решающий момент.

– И менее симпатичным людям открывали. И менее нужным. Я схожу. Допивай, Бог с тобой.

Однако к этому моменту вся его жалкость испарилась. И не поспеши я в холл, мы могли бы не познакомиться с Сергеем Степановичем Илоновым.

Но врач был пущен в квартиру. И здорово меня, самонадеянную дилетантку, выручил. Мигом оценил ситуацию и как-то по особенному – доброжелательно и строго одновременно – поприветствовал стремительно пьянеющего человека, который совершенно расхотел «дырявить вену» и приобрел уверенность в том, что третья бутылка послужит чудодейственным эликсиром, выведет его из запоя окончательно и бесповоротно, а завтрашний рассвет будет не таким, как предыдущие.

Но, по порядку. Юлия дрыхла, я страдала от неспособности достойно подготовить больного к процедуре и побаивалась, что он от нее откажется. А оптимистически настроенный доктор вперился небольшими карими глазами в мутные зрачки экса и томительно молчал.

– Хорошо, делай свое дело...

Бывший благоверный явно хотел добавить «палач». Но вдруг смущенно кашлянул и сказал:

– Извините, брудершафта не было. Делайте свое дело.

Я могла бы дать честное слово, что он обдумывал слова. Значит, это не был гипноз? Захотелось позвонить Настасье и спросить, много ли таких, как Илонов, в нашей медицине осталось.

И вновь он меня удивил. Я полагала, что по первому свисту появится охранник врача, он же медбрат, с громоздким штативом для капельницы. Такую сцену я с десятков раз наблюдала при облегчении похмельных мук братьев и сестер творческих занятий. Правда, облегчении «за медные деньги». Но современный дорогой эскулап открыл кейс, достал пакет с хромированными трубочками, ловко собрал держатель, следом вынул и укрепил не бутылку, а пластиковый мешок. Где-то что-то щелкнуло, и бывший муж, послав мне традиционный воздушный поцелуй, послушно улегся на свой кожаный диван. В его вену закапал залог здоровья.

– Вы мне более не нужны, – сказал врач довольно низким голосом.

– Я вам изначально не была нужна, доктор.

– Отчего же, успешно ассистировали в мое отсутствие.

– Нет. К сожалению, он выпил две бутылки.

– Догадывались бы вы, сколько ему удалось, прошу прощения, вылебать без вашего ведома.

– Доктор он выживет?

Илонов искренне рассмеялся. Вот и Настасья такая же циничная, хотя обвиняет в этом пороке меня. Неужели, чтобы доконать себя алкоголем, нужно подобно Леониду вкалывать дополнительные препараты?

– А как же тысячи людей, подышающих ежедневно по всей России от этой отравы? – не отставала я.

– Так называемая недоброкачественная водка, органические нарушения... Не его случай. Слишком упитан для смертника. И стаж алкогольный символический, судя по давлению и границам печени.

– Вы меня утешили.

– Не ставил целью. Не надо доводить мужчин до поиска истины в вине, наркотиках. Для них она заключена в труде и спорте.

– Я доводила? Что вы себе позволяете, доктор!

– Что вы, дамы, себе позволяете. Впрочем, не будем ссориться. Можете подежурить около, если он не против.

Сергей Степанович Илонов извлек какой-то бордовый том и погрузился в чтение. Я принципиально уселась возле своего бывшего.

– Он не тебя имел в виду. Он вообще о бабах, – прошептал капельник.

– С вашими подругами незнакомые мужчины всегда так обращаются? Да, девки не счастливицы, оказывается, а мученицы.

– Не закон природы, конечно, но много чего говорят, не щадя. Я же советовал тебе представиться женой.

– Ладно, вынесу как-нибудь.

Доктор иногда отрывался от книги и мельком нас оглядывал. Если и прислушивался, то очень искусно. Тактично проявлял бдительность за высокий гонорар. Некоторые и до этого не поднимаются.

Не будь он столь суров со мной, и не держи я бывшего мужа в тяжко больных и очень с перепою нервных, поговорила бы о Леониде Садовникове. Страждущий задремал. Теперь я украдкой разглядывала Сергея Степановича Илонова: пышная седая шевелюра, обтянутые предпенсионной желтоватой кожей скулы, нос картошкой и блекловатые узкие губы. По выражению одного знакомого – смесовая внешность. Не сокол, не гриб боровик, а просто ухоженный русак. И нечего его глазенками сверлить. Я отвернулась. Действительно измученный спиртным экс начинал посапывать. И у Севки так же ноздри во сне подергиваются. Я крупно вздрогнула при воспоминании о сыне.

– Глицином не угостить? – насмешливо спросил доктор. Более терпеть такой тон было нельзя. Я дотянулась до ай-

фона экс-супруга:

– Привет. Что такое глицин?

– Ты вторые сутки сдвигаешься по фазе? – воскликнула Настасья глухим голосом. – Сейчас гляну в справочник. А, да, эта штука в педиатрии и наркологии буйных успокаивает, вялых бодрит. Тебя кто им кормит-то? Не отказывайся, полезно. Кстати, англичане нервозным подросткам предлагают супер-суп – много мяса, крепкий бульон и джин. Веками их деткам после обеда было легче носить угри на коже.

– До связи, – сказала я эрудированной подруге. И поблагодарила доктора: – Спасибо за заботу, я лучше съем конфету. Могу в свою очередь предложить вам чай или кофе?

– Нет, благодарю. А вы каждую рекомендацию постороннего медика у знакомого проверяете?

– Каждую.

– О!

– Надеюсь, вы все упаковки от вколото́го этому господину оставите на столе?

– Не впервые присутствуете при купировании?

– У этого человека – впервые.

– О!

Емкое наше «о», выражающее множество эмоций. Особенно, вылетая из уст изо всех сил воздерживающегося от оглашения блиц – диагноза психиатра. Я оценила своеобразный такт Илонова. Настасья в лоб лепит свои нелестные медицинские умозаключения о состоянии моей психики.

А смесь лекарств сочилась и сочилась в человеческие со- суды. Почему-то стало жутко и захотелось попросить пре- кратить. Но я прикусила язык. Трусишь, не доверяешь вра- чам, сама прячь ключи, деньги и бутылки, отказывай то уни- женным мольбам, то грубым требованиям их вернуть, сго- нять в магазин самый-самый-самый последний раз, советуй в ответ сделать клизму, отпиться минералкой и рассолом, вари горячий супчик. Но, вероятно, Юлия все это уже пе- репробовала. Девушка простая, народные средства для нее не тайна.

– По-о-оль, – протянул очнувшийся вдруг экс-супруг, – я почему-то от этой капельницы не спать хочу, а пива.

– Крепись, хуже, чем было, уже не будет. Спал ты на за- висть сладко. Лекарство еще не кончилось. А потом доктор подкорректирует твое самочувствие.

– Я думал, все как рукой снимет.

– Снимет, только как ногой. Нет, нет, не дергайся, иглу выбьешь. Неудачно пошутила, прости. Сам посуди, ты уже отлично общаешься. А час назад тебе, по-моему, и говорить, и слушать было не вмоготу.

– Вообще-то, да.

– Ты сильный мужчина. И всю очищаешься. Двигайся вперед, не возвращайся в тот ужас. О Севке подумай.

– Я его на всю жизнь обеспечил.

– Разве сыну от отца только деньги нужны? Он пока даже не школьник.

Кажется, проняло. Экс-супруг уже не ноя, окрепшим голосом стал выяснять у Сергея Степановича свои перспективы. Психиатр отвечал уклончиво, явно давая понять, что господин пьяница всполошился рано. Он все-таки нарвался на лишнюю дозу снотворного. Доктор усилил эффект по требованию заказчика, не вынимая системы из вены. Минута прошла? Меньше? Юлин друг крепко спал. Теперь время союзничало с ним.

– Его родных в доме, надо полагать, нет? – строго спросил меня врач минут через пятнадцать, отсоединив капельницу от плоти и принявшись разбирать штатив. – Охраны?

Я готова была признаться, что не снятая на ночь собутыльница, а недавняя жена. Да уже и нынешней не возражала считаться до конца лечения, настолько достал меня пренебрежительный тон Илонова. Но, во-первых, мы выбрали вариант «старой-престарой знакомой». Этому уникаму завтра снова предстоит встреча с Илоновым. И как он будет выглядеть, открешиваясь от меня? А я, нарушив уговор? Сама ведь настаивала. Во-вторых, в любой момент могла вползти совершенно не подготовленная нами Юлия. Здорово мы будем смотреться рядом. Если я жена, то она кто? Я заботилась ни о себе, ни о ней, а нашем бизнесмене. Чем меньше про попавших в передрагу запоя будет знать, кто бы то ни было, тем лучше. Сам же экс учил: не спрашивают конкретно – молчи, спрашивают во вред – соври или прекрати разговор, только не распахивай душу первому встречному.

Встреча может оказаться случайной лишь для тебя.

– Охрану я вызову, одного его не оставлю.

– Я сразу догадался – вам захочется развеяться, – неодобрительно покачал головой Илонов.

– А что мне здесь делать при никаком хозяине? Когда вы завтра приедете?

Он усмехнулся:

– Позвоните своему знакомому консультанту, подозреваю, студенту медику. Он выручит. Я оставил все ампулы до единой. Вам довольно легко рассчитают срок окончания действия их содержимого. Примерно в это время я и вернусь.

Мне надоели наши перепалки.

– Хорошо, доктор. До свидания.

Сергей Степанович отбыл на престижной машине – я из окна подглядывала. Никаких особых эмоций он у меня не вызвал. И, если бы потрудился скрывать свою антипатию, мог бы мысленно впредь называться добрым доктором. Впрочем, мне было все равно. Еще вопрос, увижу ли я его когда-нибудь снова. Дел в квартире у меня действительно больше не было. Я растолкала Юлию:

– Отдохнула? Врач уже закончил.

– Какой врач? – встрепелась она.

– Нарколог.

– Вам удалось? Ой, Полина!

– Долго ли, умеючи.

– Я давно сплю?

– Часа два с половиной. Юлия, мне пора. Надо поспрятать, а лучше вылить все спиртное. Где хранители тела?

– Он еще три дня назад услал. Кричал, что все уволены без выходного пособия.

– Крут. Тут без дебошей, значит, не обошлось?

– Тут чего только не было. Но Миша, их главный, по своей воле живет на кухне. Я без помощи пропала бы. Он везде на пол падал и засыпал. Тяжелый, зараза. Я бы одна и не перевернула.

Миша, отзывчивый добрый Миша. Когда-то он и мне пытался помочь выжить в роскоши. Внушал, что я не обязана краснеть всякий раз, когда зову мужа ужинать, а охранников нет. Что могу не спрашивать, все ли в порядке с их родителями, детьми, женами, не называть по именам и отчества. В общем, что их не обязательно считать людьми, лучше движущимися предметами. Значит, в доме окопался? Классно исполнено. Его профессионализм всегда меня восхищал. Юльку таскали поблизости, я в кухонный шкаф ее бутылку убрала от греха, воды попила, а его присутствия не заметила, не учуяла. Правда, помещение многозоновое, некогда я в нем три стенки потребовала проломить. Потом полгода покупала мебель и игралась ею, передвигая. В итоге получилась просторная кухня, мини-столовая и бар – все вместе, а, вроде, и отдельно. Наверное поэтому верный страж облюбовал кухню для своей партизанщины. Теперь он, не таясь, стоял на пороге. Обаятельный парень, хотя красавцем не на-

зовешь.

– Здравствуйте Михаил Игоревич. Я ухожу.

– Здравствуйте, Полина Аркадьевна. Я доктору не показывался, но визит контролировал.

– Верю. Спасибо, что не бросили его.

Он улыбнулся, дескать, горбатую могила исправит. Так и не научилась глотать слова благодарности обслуживающему персоналу. Затем вдруг громко рассмеялся. Я оглянулась. В дверях с отвисшей челюстью застыла притащившаяся следом за мной засоня. Вероятно обращение двух молодых людей друг к другу иначе, чем Мишка и Поинка, ее dokonало.

– Юля, иди к себе, попозже поешь, – сказал охранник.

Она скорее убежала, чем ушла.

– Михаил Игоревич, раз уж вы на месте, проследите, пожалуйста, чтобы Юлия завтра Сергею Степановичу на глаза не попадалась. Особенно пьяная. А то он меня за не успешную здесь чем-нибудь поживиться шлюху принял. Как бы девушка не оскорбилась, не заскандалила, если и она ему не понравится. Пусть все пройдет быстро и тихо.

– Да, вы держались, как надо, – снова чуть улыбнулся он. И посерьезнел: – Все-таки никто, кроме вас, вслух не скажет, что за шлюху приняли. Я все сделаю, не беспокойтесь.

– Не буду беспокоиться, честное слово.

– Вас отвезти? Шофер в гараже профилактикой транспортных средств занимается. Я не распоряжаюсь, просто знаю, что супруг вас пешком не отправил бы.

Я вновь понедоумевала минуту, воспитан он отменно или обладает врожденным тактом?

– Я прогуляюсь, Михаил Игоревич. Голова разболелась. Он понимающе, но не заговорщицки кивнул.

Юлия, наверное, боялась, что я поселюсь с ними под одной крышей, и проводила меня с явным облегчением. А уж какое облегчение испытала я, очутившись на вечерней весенней улице...

Глава третья

– Вик, что там с Леонидом? Не надо сохранять тайну расследования, притворяясь спящим.

Я сидела в спальне Измайлова и безжалостно трясла его за плечо. Оно было горячим и гладким, но меня это почему-то не волновало. Нервы совсем расшалились. Вчера грозила прирезать парня, пока он по доброте душевной делал Ленке укол. Сегодня всячески демонстрировала высококвалифицированному наркологу свое знакомство с процедурой вывода из запоя – обязанность оставлять ампулы – и наличие на связи его коллеги для проверки назначений. Смешно, он решил, что опытнее студента у меня в медицине знакомых быть не должно. Какая же я дура. Врачи оставляют стеклотару, разовые системы и шприцы просто для того, чтобы мы сами их выбрасывали. Не таскать же мусор от пациента к пациенту. С чего я взяла, что это делается для отчета перед родственниками или очухавшимся за ночь пациентом? Надо уточнить у Настасьи. Нет, я ее уже измочалила – то на труп зову, то прошу за минуту найти нарколога, то консультаций по лекарствам требую. И она безропотно это сносит, умница моя. Но кого-то необходимо было еще потерзать. Попробуй, остановись так сразу. А тут тепленький полковник доступно лежит. Ну, я и не сдержала садистских наклонностей:

– Вик, про Леню!

– Поленька, детка, умоляю, дай поспать.
– Сам ты мне вчера не дал. Лягался, как дикий конь.
– Это ты мне не дала. Прижималась, как дикая...
– Кто? Дикие не льнут к полицейским! Разве что сумасшедшие!

Я была возмущена. Прижималась! Да я ночь промучилась, отстраняясь, уворачиваясь от пинков и пытаюсь не свалиться на пол. Эквилибр на кромке дивана продолжительностью несколько часов.

– Вик, снова терпеливо спрашиваю, что произошло с Лейней? Мне с Ленкой общаться, мне ей в глаза смотреть. Немедленно говори, к чему я должна быть готова.

– Лучше ложись и прижимайся, – сдался Вик.

– Конечно, на двуспальной кровати не страшно. Это не моя одноместная по твоей прихоти лежанка. Не мог разложить?

Тренированный невзгодами и тревогами мужчина пружинисто сел в постели. Но запоздало проявленная им нежность не спасла от очередного вопроса об обстоятельствах смерти моего приятеля.

– Вот одержимая, – укорил Измайлов. – Хотя Балков просил тебя как-нибудь премировать. Вдова Садовникова была в шоке, без твоей поддержки с ней пообщаться не удалось бы.

Я едва не разрыдалась от благодарности Сергею. Никогда доброго слова не пожалеет, не зажмет в горле. Часто нас

за глаза бескорыстно хвалят? Нет, нервишки у меня не в порядке. Напрасно я таблеткой не угостилась. Вернее, о каком угощении речь? Илонов включил бы ее в выставленный экс-супругу счет.

– И Юрьев сказал, что ты была непривычно молчалива.

Я обалдела. И Борис туда же! Здоров ли он?

– Ты воздерживалась от комментариев. Кажется, всего раз предложила трести охранников и врачей. Невероятно. Борис связывает это с полным упадком твоей хваленой умственной деятельности, – мстительно добавил Вик. – Обещал отметить такое событие шампанским. Уверяет, что давно заслужил отдых от тебя.

– Не надо про спиртное, – жалобно попросила я.

– Придется. Кто-то из ролингов сказал, что лучшее средство от похмелья – не трезветь. Старая гвардия.

– Оставь преамбулы. Потом все из этой гвардии лечились от алкоголизма и наркомании. Верю я, верю, что люди поголовно алкоголики, только в разных стадиях. Одни по природе спринтеры, другие – стайеры.

– Давно веришь? – заинтересовался Измайлов.

Ментяра, хоть как милицию переименовывай.

– Вы убийц за руки так ловили бы, как женщин на слове.

– А мы и ловим. Детка, сразу усвой основное – Леонид Александрович Садовников нещадно глушил свои бизнес – стрессы спиртным. Сначала по-умному, никто не догадывался. Изумлялись еще – все валидол сосут в состоянии запре-

дельной тупости, а он уединится в кабинете минут на двадцать, вернется, и ну подбадривать пессимистов, генерировать идеи, кому-то звонить, с кем-то встречаться, давать задания.

– Не смогу я это усвоить, милый. Он не нуждался в поиле, чтобы генерировать идеи и пахать. Иначе не поднял бы свое дело без связей и денег. Стартовый капитал – кутарки от продажи однокомнатной хрущевки жены. По углам с Ленкой скитались. Она, видишь ли, из декабристок.

– Поленька, люди устают, разочаровываются. Тридцать девять лет, не мальчик, масса контактов, огромные нагрузки. У многих его друзей похожие проблемы, там своего рода круговая порука – семья про избранный допинг знать не должна. Да и самим подолгу не верится, что возникшая зависимость – отныне и навсегда. Жены этих господ годами не догадываются, что их успешные мужья – алкоголики и наркоманы.

– Брось!

– Да, детка. Это, когда денатурат употребляют, сразу заметно. Но твой приятель по сравнению с остальными прогрессирует стремительно. По показаниям всей конторы последнее время Садовников попросту валялся в своем кабинете, приходя в себя, чтобы заглотить очередной стакан, назначить совещание и к его началу снова отключиться.

– Так надо было в набат бить, а не скрытничать! Неужели ни одного порядочного человека рядом не было?

– Воительница ты моя. Ты была бы. Рискнула работой, карьерой, но и с начальником поговорила бы, призвала взяться за ум, и жену поставила бы в известность. Тебя точно уволили бы. Как в случае развития болезни, так и в случае излечения. Боюсь, Поленька, что твою Елену Садовникову уже ободрали, как липку. В наследстве вероятны сюрпризы не из приятных. Пьяный хозяин очень выгоден, пока у него есть, что красть. А у Леонида Александровича было. Веришь, тамошний лощеный кокаинист из менеджеров, что называется, среднего звена брезгливо заявил Юрьеву: «Фу, как несовременно спиваться. Некрасиво, тяжело. Зато другим с пропойцей проще».

– Вик, Вик, мой знакомый нарколог, – поспешила поделиться я, запнулась, но храбро закончила, – считает, будто всему виной бабы.

– Не ново, абсолютно справедливо, однако у Садовникова, похоже, никого кроме жены не было. Говорят, постоянно пытались охмурять, но мужик оказался разборчивым. Он жил открыто и ограниченно. Типичный трудоголик. Надорвался. Поля, эти люди постоянно на глазах своих сотрудников, охраны, прислуги. Чтобы восстановить дневное, недельное, месячное расписание любого, потеть не надо. Сведения у нас точные.

– Ладно, я все приму, переварю. Не сразу, конечно. Но дальше, Вик.

– Дальше у Садовникова включился инстинкт самосохра-

нения. Самоконтроля уже не было, а самокритика была. Желание не слыть, но являться эталоном граничило с манией, поэтому и остановился. Решил лечиться анонимно. Опытные друзья, перешедшие свое минное поле, уговаривали его лечь в клинику месяца на три. Но он вдруг вспомнил о фирме и пошатнувшихся делах. Сейчас только интимных услуг, наверное, больше, чем антизапойных. Специалистов привозили ему в офис. Откачали, подчистили изнутри, набили витаминами, надавали советов. Все квалифицированно, правильно. Он выбрал вливание, срок действия укола – год. Сделали его в приличной частной клинике, провели психотерапию, предупредили о несовместимости введенного препарата с алкоголем. Он дал расписку, заплатил, получил квитанцию. Которой, кстати, среди письменных рекомендаций, заполненной карточки, ксерокопии лицензии и других бумаг «про это» наши не обнаружили. Через день Садовников опять приехал в клинику, врач с ним пару часов беседовал о прелестях трезвости, выписал антидепрессанты, эспераль, препараты для поддержки печени, сосудов, пригласил в любое время обращаться, если разыграет желание выпить. Более того, нарколог уверяет, что хотя попыток суицида исключать никогда нельзя, Леонид Александрович Садовников производил вполне сносное впечатление. Здоровья еще хватало, возраст молодой, любимая жена, собственное интересное прибыльное дело, достаток, сильный оптимистичный характер. Гораздо более изношенные во всех смыслах, отча-

яввшиеся пациенты боролись и побеждали свой недуг.

– Может, врач малоопытный? – придралась я.

– Не угадала. Сорокалетняя дама, кандидат наук, непрерывно практикует, отзывы замечательные.

– Дама? Своеобразный выбор.

– Почему? Специальность Настасьи тебя не смущает, детка? А хирургия, по-моему, ничуть не легче наркологии.

– Гораздо тяжелее, – обиделась за Настену я. – Сравнить не могу. Но я не про ее выбор. Леонида.

– Сомневался в женских здравом уме и твердой памяти? – зевнув, спросил Измайлов просто по привычке уточнять.

– Не то чтобы... Но были сферы деятельности, в которые он не рекомендовал вторгаться приятельницам, если хорошо к ним относился. Говорил, что стать настоящим профессионалом в них можно только ценой невероятных усилий. Слушай, Вик, не счел ли он лечение у женщины менее унижительным? Наверное не нашел в себе сил выслушивать поучения процветающего мужика. Гордости ему было не занимать.

– Поленька, не мучай себя безответными вопросами, – мягко, даже ласково попросил полковник. – Уголовное дело возбуждено не будет. Сердечный препарат твой Садовников наверняка купил сам. Это единственное в сущности, чего нельзя проверить.

– И вколол в вену сам? – упрямилась я.

– Жаль совсем расстраивать тебя, детка, но когда-то Лео-

нид Садовников собирался стать врачом. Поступить в институт было почти невозможно, поэтому предусмотрительный и целеустремленный мальчик окончил медицинское училище. За два года учебы осмотрелся, одумался и подался в экономисты.

– Представления не имела, Вик, – растерялась я.

– Я сострадаю, я понимаю, что это настоящая трагедия – ты чего-то не знала.

– Леня никогда не говорил, что его жизненные планы менялись.

– А ты до сих пор уверена, что тебе все обо всем рассказывают. Иначе им ночами не спится, и днем куски в глотки не лезут. Тебя еще что-то занимает, или мне можно на боковую?

– Доскажи страшилку, и я отстану. Пожалуйста, милый.

– Этот покаянный тон меня трогает, – добродушно проворчал Измайлов. – Доскажу, коли перед сном тебе необходимы такие сказки. Имей в виду, отпечатков пальцев кого-то, кроме Садовникова, на шприце, жгуте, ампуле, бутылке и стакане нет. Смерть наступила... Тут потребовался консилиум. Мы потревожили не последних специалистов в трупной области.

Я напряглась. Полковник заметил и ухмыльнулся:

– Охотничья стойка.

Но тревога была ложной. Потому что смерть наступила от всего. Реакция на прием спиртного была достаточно силь-

ной, но сохранялся шанс выжить, даже не прибегая к услугам «Скорой». Леня должен был попробовать поскорее освободить желудок от водки, вызвав рвоту, и заглотить побольше активированного угля. И собственноручно сделанный укол убил бы его не наверняка. Тоже возможны варианты от глубокого обморока без последствий до паралича. У одного профессора вообще сложилось впечатление, что ужас совершенного умертвил Леонида раньше, чем подействовали и алкоголь, и препарат. Но настаивать он отказался. Поэтому светила остановились на формулировке – сочетание факторов. Дескать, самоубийство, если сам себя колот и поил, и убийство, если его и насильно. Но следов борьбы не было, элементарные навыки промывания желудка большим количеством жидкости с последующим нажатием на корень языка имелись, телефон для вызова неотложки стоял рядом, опять же отпечатки... Круг замыкался.

– Не торопись с выводами, детка, – сочувственно призывал Измайлов. – Поддерживайте с Настасьей Садовникову. Мне кажется, что объяснение этого экстравагантного суицида очень скоро найдется в бумагах фирмы. Да, Садовников собрал волю, на трезвую голову занялся делами и обнаружил детище в долгах, с непоправимо подмоченной репутацией. Не справился с потрясением. Перетерпел бы день, второй, глядишь, придумал бы что-нибудь. Но ведь попробуй, перетерпи. Говорят, решившим завязать необходим позитив, отрицательные эмоции способствуют только рецидиву.

– А зачем так сложно умирать, Вик? – сжала кулаки я.

– Поленька, мне кажется, тебе прямо-таки хочется, чтобы Садовникова убили. Ты не желаешь замечать очевидного. Ничего проще выбранного им способа не было. Представь, он опозорен, напуган, издерган, возможно, и лишнего доллара уже нет. А нужно мотаться в поисках оружия или яда по земле, которая слухом о его проблемах полнится. Зачем мучиться, унижаться, если в него уже влито нечто, опасное для жизни при определенных условиях? Всего-то и надо купить бутылку или достать старую заначку. И шприц с ампулой для верности. У него среднее медицинское образование, выбрать лекарство с подходящим побочным эффектом мог.

Звучало настолько правдоподобно, что грех было продолжать пытаться Вика.

– Милый, а вдруг это вообще не самоубийство? – кольнуло меня очередной догадкой. – Леня вместо позитива окунулся в негатив, ему нестерпимо захотелось выпить, не удержался. Потом сделал себе укол, чтобы до приезда неотложки не остановилось сердце, но психанул, случайно превысил дозу, вызвать медиков не успел.

– Что-то в этом роде ты говорила Юрьеву у Садовниковых, – хмыкнул полковник.

Я когда-нибудь, в самом деле, решусь на убийство. Болтливую Юрьеву угроблю.

– Там я из духа противоречия Борису предположила, что он спасал себя. А теперь развила мысль.

– Чудо ты мое! – умилился Вик. – Разбудить, вымотать душу, чтобы сделать столь серьезный вывод. В наказание за мой недосып я с тобой не соглашусь.

От неожиданности я закашлялась. Довольный произведенным впечатлением полковник заботливо треснул меня по спине.

– Спятил? Больно!

– Надо единожды, но сильно. А вообще у меня давно кулаки чешутся.

Вот до чего дошло – бывший пьет, нынешний бьет. Клас-сика.

– Не дуйся, Поленька, – смутился моим молчанием Измайлов. – Правда, больно? Прости, детка, я из лучших побуждений, я же не специально.

– Еще не хватало!

– Притвора.

– Вик, выкладывай скорее свои возражения. Спать ужасно хочется.

– Придушу, – зарычал он. – Нет, до утра буду вспоминать самые отвратительные убийства, и описывать в кровавых деталях. И попробуй зевнуть хоть раз.

Он потер глаза буграми Марса и Венеры и скороговоркой закончил:

– Сейф на даче был закрыт, но код жена знала. Отпечатки только хозяйские. Мы, детка, не обнаружили ни копейки. Просто громадный пустой железный ящик. У Садовникова

в бумажнике было двести баксов, кредитки. Елена не в курсе, хранил ли муж за городом крупные суммы, но чтобы в лучшие времена в сейфе совсем ничего не было, не припомнит. Вывод? Материальное благополучие сильно пошатнулось. Далее, участок вокруг дома невелик, земля на вес золота, обнесен высоким забором, задняя дверь дома выходит в небольшой садик – символические сентиментальные пять яблонь. Там в ограждении есть запирающаяся на врезной замок калитка. Ею пользуются только летом, когда каприз или переедание гонят поразмяться в рощице, отделяющей коттеджи от шоссе. Большие ворота напротив фасада вообще отпирают лишь по звонку в сторожку. Охрана – два бугая – в полном составе раз в час прочесывает все вокруг дома, возвращается в сторожку, картежничает, поглядывая в окна и на мониторы, снова разбредается по участку, и так с утра до ночи. Трезвон внешнего колокольчика слышно не только в сторожке, но и на улице. Так что гости не страдают, когда ребята совершают свои ежечасные пробежки – вернуться к пульту управления воротами дело нескольких минут. Один парень постоянно находится в доме. Но именно в день трагедии Садовников услали его к остальным часа на три. Сказал, позвонит, если тот понадобится раньше. С ним бывало, когда предстояла требующая особой сосредоточенности возня с документами. Он мог корпеть сутками. А тут наши в лаборатории по подошвам ботинок определили, что хозяин выходил через заднюю дверь и гулял среди своих яблонь.

– Ждал кого-то? – вяло предположила я.

– Как я умудряюсь тебя выносить? Поля, не выдумывай!

Если посетитель безобиден, его не прячут от охраны. Если опасен, тем более. Будь он убийцей, расправился бы с Садовниковым в саду беспрепятственно и наверняка. Ведь тот успел и выйти, и побродить, и вернуться в кабинет между обходами. Нет, детка, человек выбирался попрощаться с миром.

– Романтический ты убийщик, Вик. Я прониклась: у Лени были финансовые проблемы, и самоубийство тянет не на спонтанное, а на продуманное, запланированное и подготовленное.

– Я выложил тебе абсолютно все. Ценой отдыха, между прочим. И не вздумай больше издеваться надо мной этой историей. Спокойной ночи.

Через пять минут мы оба спали, совершенно не мешая друг другу. Вот что значит удобная мебель.

Я обмолвилась, что вечером по пути домой купила молоко? Овсяные хлопья у меня были, поэтому Измайлов завтракал тем, что заказывал. Но, как говорится, вчера было вчера. Из вежливости проглотив кашу и незаметно сунув в хлебницу полезный подсушенный ржаной кусок, Виктор Николаевич проникновенно спросил:

– Поленька, у нас мясопродуктов нет? Масла сливочного, сыра, батона мягкого?

– По сухомятке соскучился? – прорезался у меня елеинный

ГОЛОСОК.

– Приготовь, если не затруднит, – корректноотреагировал Вик.

Ори я в подобных нередких ситуациях: «Такой – сякой, зачем я с овсянкой возилась, хрен тебе с редькой, а не бутерброд с колбасой», давно куковала бы одна. Но я с, надеюсь, милой улыбкой достала копчености, булку, свежий огурец. Тонко и красиво порезала, а не накромсала, абы как. Полковник искоса нервно поглядывал на меня. После столь покорного и молчаливого обогащения утреннего пайка животными белками, если, конечно, они незримо присутствуют в фабричном мясе, Измайлов поинтересовался моим общим самочувствием.

– Все нормально, милый. Кофе подлить?

– А ты есть не намерена? – перевел задумчивый взгляд с непроницаемой меня на натюрморт Виктор Николаевич.

– Намерена, но после пробежки. Ты же знаешь.

– О!

Достали со вчерашнего дня этим «о» и наркологи, и полицейские. Стоило мысленно их объединить, как я поняла, что раздражало меня с раннего утра. Не просьба Измайлова сделать бутерброды. В конце концов, это забавно. А исчезновение ночной уверенности в его правоте насчет самоубийства Леонида Садовникова. И добро бы восторжествовало мое собственное предположение о случайной роковой передозировке сердечного препарата в попытке спастись. Нет, вопре-

ки фактам вновь возникло состояние протеста: «Не может быть. Если Леня нашел в себе мужество остановиться, принял медицинскую помощь, что при его гипертрофированном самолюбии не просто, он справился бы с любой ситуацией. Обворовали соратники? Тем вернее не бросил бы свою Ленку в грязи долгов и разборок. Ответственный же парень».

Насколько я его знала, самым тяжким было признать себя несовершенным, зависимым от алкоголя и врачей. Наверняка мучился – другие могут сами завязать, а у него не получается. Вик вчера попал в точку, отметив желание Лени не слыть, а быть эталоном. Я обошлась без комментариев, но он совершенно серьезно рассуждал об обязанности руководителя подавать подчиненным пример праведности. И в то же время «позор» перед бесконтрольно трудившимся в течение полугода коллективом он пережил бы легко. Я не удивилась бы, услышав, что Садовников, окончательно протрезвев, в одночасье уволил всех, кто развлекался его слабостью. Потом, погрузневший и помудревший, но ни в коем случае не отчаявшийся от страданий, нанял бы другой штат. И новички через неделю-другую засомневались бы: полноте, хлестал ли Леонид Александрович спиртное вообще? Не преувеличила ли завистливая молва его проблем? Не оговаривают ли его уволенные лоботрясы? Клеветать на требовательных и удачливых многие горазды.

– Между прочим, алкоголизм, как и всякий «изм» – это приверженность, пристрастие, пусть и болезненное. А ток-

сикомания, наркомания самими своими названиями сигналият о почти полной неуправляемости.

– Что, детка? Какой «изм»? – крикнул Вик из прихожей.

– Любой, – изумленно ответила я, не заметив, что открыла рот.

– Я ушел, счастливо.

Все, если я принялась думать вслух, сопротивляться сомнениям бесполезно. Первое впечатление от кончины Леонида было неискоренимо. «Поля, столь живучи в человеке не культуры, а сорняки ощущений, – напомнила я себе, цепляясь за последний шанс образумиться. – Наверное, твое упрямое неверие – лишь отголосок не улегшихся эмоций. Послушай Вика, погоди, попривыкни. Смерть всегда вызывает протест. У тебя он принял такую вот форму». Напрасный труд. Интересно, как называют психиатры мою манию? Я уже не в состоянии была терпеть бездеятельность. У Измайлова вчера чесались кулаки? У меня сегодня пятки плавились от топтания в кухне. Я рванула на улицу, быстренько намотала обычное количество кругов, ловя влажный, пахнущий поздно зацветшей черемухой ветерок, охладилась под душем и торопливо оделась.

Зазвонил телефон. Секундное колебание – я еще дома или уже нет? Схватила трубку и выпалила:

– Полина. Извините, стою у двери, готовая к выходу по делам.

– После физкультуры или до? – насмешливо справилась

Настасья. – Смотри, до инфаркта не добегайся. Ты, когда в себя погружаешься, за дыханием перестаешь следить и ритм с темпом постоянно меняешь.

Инфаркт может случиться исключительно из-за ее неусыпной заботы о моем здоровье. Дочиталась мне своих нудных лекций до того, что я перестала курить перед пробежкой. И часа полтора после держусь. А ей все мало.

– Я уже преодолела трусцой все, что собиралась.

– Тогда почему тон истерический? Как насчет мышечной радости и положительных эмоций?

– Насть, я не ожидала, что позвонишь ты. Думала, минимум сутки от меня отдохнешь.

– Мне положен отдых раз в десять длиннее. И молоко за вредность. Но звонила Ленка. Поль, там драма, трагедия и этот, как его...

– Что? – похолодела от возможного продолжения в мужском роде я.

– Трагифарс! – выпалила Настасья.

– С мелодрамой не путаешь?

– Не издевайся, поганка созревшая. Со мной поедешь или сама? Я до половины третьего в клинике.

Мы с ней собирались сегодня к Ленке, только вечером. Но днем так днем.

– Без пятнадцати три, как обычно, на уровне пятого вагона.

– У меня сейчас грыжа для разминки, а потом кишечная

непроходимость.

– С ума сойти. Не представляю. Ни пуха, ни пера, доктор.

– К черту все и всех.

«Капитан медицинской службы, кандидат медицинских наук Олейникова Анастасия Павловна», – уважительно про-
бормотала я. А ведь ей тридцати нет. Недавно я представи-
ла ее знакомому пожилому американцу. Очень уж ему хо-
телось увидеть кого-нибудь кроме торговки и проститутки.
Вообще-то, надо было человека с окулистом сводить, пото-
му что у него опасно вылезли из орбит глаза, когда он узнал,
что Настасья давно и всюю самостоятельно оперирует.

– Невероятно, – лопотал потрясенный янки. – Такая юная
девушка. У нас ей до тридцати стоять во втором ряду и на-
блюдать за работой мастеров, а потом еще лет пять assisti-
ровать им.

– Она особо одаренная, – попыталась привести его в чув-
ство без использования нашатыря я.

– Ну и что?!

Пришлось переводить разговор на культурные ценности.
Лишь воспоминания о десяти осиленных страницах из До-
стоевского несколько притупили ужас собеседника перед на-
шей бедовой медициной.

– У вас и хирургия – русская рулетка, – прохрипел он,
прощаясь.

«Стоп, Поля, – одернула я себя, – не отвлекайся. Ты, соб-
ственно, куда намылилась»? Вынуждена была признать, что

понятия не имею. Но все-таки главное – собраться. А направление всегда жизнь задаст. Снова затрелил телефон:

– Полина Аркадьевна? Здравствуйте.

– Михаил Игоревич! Что случилось?

– Узнали? Не разбогатеть мне. Пожалуйста, не волнуйтесь. Илонов приехал в восемь и уже закончил со второй капельницей. Юлия еще глаз не продирала. Пациент заснул, доктор обещал, что чуть ли не до вечера.

– Замечательно. Спасибо, Михаил Игоревич. Ваше появление было воспринято, надо полагать, радостно? Оценил горе-пьяница преданность?

– Не угадали. Принял, как должное. Да в принципе он в порядке, только зол до невозможности. Полина Аркадьевна, вы располагаете временем? У меня к вам очень деликатная просьба.

– Я занята после двух. Сейчас половина десятого.

– Вчера умер Леонид Александрович Садовников.

– Вы его знали? Или СМИ уже сообщили?

Я не справилась с голосом – он зазвенел от нетерпения и любопытства.

– Нет. Геннадий Самошев, начальник его дачной охраны, мой друг. Он старше, но наши родители были очень близкими приятелями, и мы с самого моего детства... Но не в этом суть. Он хочет с вами поговорить.

– Со мной? – оторопела я.

– Именно. Вы не беспокойтесь, в моем присутствии. Ес-

ли я передаю его просьбу, то головой за вашу безопасность отвечаю.

– Он что, после контузии? Никак не реабилитируется после войны? Зачем вам головой-то рисковать?

– Ну, я, может, неудачно выразился. Лучше было бы встретиться на нейтральной территории. Но я из дома ни ногой. Как думаете, его и ваш приезд сюда осуществим?

– За него не поручусь.

– Полина Аркадьевна, выслушайте его в моей комнате, и он сразу вернется за город. Ему нельзя надолго отлучаться. Дача теперь пуста, но мало ли что понадобится. Если вы согласны, назначьте точное время. Вам машина нужна?

От транспорта я отказалась. Он настойчиво, но безукоризненно вежливо просил согласия, а я уже тридцать минут, как кроссовки зашнуровала. О чем немедленно и сообщила. Не язык – помело. «Неужели когда-нибудь докатишься до того, что будешь ломаться и выпендриваться в ответ на человеческую просьбу?» – спросила я себя. Но недовольство осталось. Пора учиться молчать. Чужих секретов не выдаю, зато своих не имею. Мама зовет меня простодырой, папа искренней. А вот Борис Юрьев полагает, что моя «якобы предельная откровенность» – это подлая уловка. «Она же постоянно придумывается», – авторитетно заявляет он. Я повеселела. Вдруг Боря прав, и я действительно слишком умная, а не наоборот. И просто сказала, что выхожу. Михаил Игоревич просто сказал:

– Спасибо. Жду.

Дорогой я пробовала пораскинуть мозгами. Но дело не пошло дальше мысли: «Главный страж тела экса был необычайно речист, шпарил, как по писаному. Раньше складывалось впечатление, что он запретил себе употреблять более десятка слов кряду и сознательно практиковал некоторое косноязычие». А на уровне ощущений осталось – Михаилу Игоревичу хотелось, чтобы свидание с Геннадием Самошевым состоялось.

Глава четвертая

В квартире было тихо-тихо. Накачанный снотворным экс-благоверный преодолевал похмелье в забытии. У Юлии пока все процессы в организме протекали естественно: она занималась тем же, чем и любовник, но без внедрения лекарств в плавный здоровый кровоток. На нее я, правда, не взглянула, поверила Михаилу Игоревичу на слово. А своего бывшего провела и подивилась. Куда делись вчерашняя отечность и бледность? С высокого лба испарился обильный пот, гримаса страха не безобразила лицо. А сжатые, казалось, навсегда кулаки раскрылись, явив ладони с путаницей линий, в которой я в пору увлечения хиромантией пыталась разобраться. Тряхнула стариной, прошла взглядом по основным вехам – ничего нового, разве что звезда на бугре Аполлона стала почетче. На столике возле дивана соседствовали кувшин апельсинового сока и старое издание «Посмертных записок Пиквикского клуба». Осилит, судя по закладке, двадцать страниц, но ведь не за бутылку, за книгу брался.

Вчерашнюю лубочную картинку сменила идилическая. И я вдруг почувствовала не облегчение, не удовлетворение, а... злость. Вот так все просто? Так быстро? Неделю терзался сам и терзал других, а завтра, как ни в чем ни бывало, поперекидывает из руки в руку гирю, взбодрится контрастным душем, побреется, поест и отбудет в офис? Студенткой

я была на практике в одной газете. Тамошний главный редактор раз в месяц на неделю запивал. А, приняв на грудь, становился очень подвижным – мотался по кабинетам, болтал с сотрудниками за жизнь и засыпал, где сморит. Журналисты относили его на рабочее место. Но, опохмелившись, он возобновлял шатания. В течение нескольких дней закоренелый почитатель зеленого змия, постепенно уменьшая дозу и заставляя себя закусывать, приходил в чувство. Руки тряслись до следующей серии возлияний, но к этому привыкли. Первыми словами протрезвевшего шефа всегда были: «Алкаши! Все нагло спиваетесь! Поуволяю. Разукрашу выговорами трудовые книжки. Но трезвости от вас, забулдыг, добьюсь». Я вздохнула. До завтра далеко. Экс-муж еще сегодня вполне сподобится принять ванну, съездить в ресторан, отужинать мясом и безалкогольным вином, вернуться домой и заняться любовью со своей верной девочкой. Я явно свихивалась, едва ли не желая продления его мук. Пришлось позаковыристей себя выругать. На втором витке наваждение спало. Пусть будет жив – здоров и счастлив. В коридор я вышла почти собой.

Тактично поджидавший меня возле двери в свою комнату Михаил Игоревич тихо сказал:

– Геннадий уже здесь. Необыкновенно быстро добрался. Наверное, звонил мне по мобильнику и просил уговорить вас встретиться из машины.

– Славно, – откликнулась я, по мере сил скрывая недо-

ВОЛЬСТВО.

«Назначьте точное время, если согласны»... Артисты. Теперь не удивилась бы, узнав, что Самошев торчит тут с рассвета. Примчалась, дурочка доверчивая. «Поля, так не пойдет, – с тоской подумала я. – Ну, захотел Измайлов колбасы, ну, стало бывшему лучше, ну, схитрили парни, в порядке вещей все. Ты же никогда злобностью не грешила. Что тебя задевает, гнетет прямо-таки»? Ответ сам собой не напрашивался. Еще бы что-то добровольно лезло в такую гудящую голову...

– Полина, очнись. Тебе дурно? Попей воды, Полина.

Я открыла глаза и обнаружила себя, сидящей на полу. Передо мной на корточках смешно покачивался Михаил Игоревич. Он смачивал пальцы в стакане с пузырящейся минералкой и тряс ими возле моего носа, а после подносил этот стакан к моим губам или отхлебывал из него сам. Он кричал шепотом, что меня позабавило и озадачило. На душе было легко, в теле тяжело. Я кое-как поднялась, вернее парень, уловив мое шевеление, поставил меня и прислонил к стене. Ноги противно дрожали, колени подгибались, кисти покачивало.

– Полина Аркадьевна, может, врача?

– Ладно, перестань. Разволновался, перешел на ты в одностороннем порядке, позволь мне присоединиться.

– Что это было? Обморок? От чего?

Мне самой было интересно. Дверь комнаты стража тела

приоткрылась. В холл выглянул «санинструктор», делавший укол Ленке Садовниковой, и еле слышно спросил:

– Вы когда последний раз ели, а?

– Вчера. Вру, позавчера утром, – вспомнила я. – Где моя сумка? Курить хочется.

– Сначала поесть, – хором постановили охранники.

Они втащили меня в непросторное, но достаточно уютное помещение, пристроили на диване, снабдили каким-то мультивитаминным напитком, жестянкой с испанским печением и твердой зеленой грушей. Я не ощущала голода, но, понимая, что сигарет не допрошусь, поспешно сунула в рот самый маленький кружок, обсыпанный корицей. И не заметила, как сметала половину коробки выпечки, выпила литр сладкой, с лекарственным привкусом жидкости и в три укуса уничтожила фрукт вместе с сердцевиной.

– Теперь обязательно курить, ребята.

– Возвращение к жизни, – коротко рассмеялся Михаил. – Познакомьтесь, Полина, Геннадий. Напугала ты меня.

– Себя больше.

– Сейчас я тебя развеселю. Представляешь, Илонов, прежде чем уехать, вытащил из салона коврик, положил на землю, тщательно так вытер ноги, сел, занес ноги в машину, изогнулся, поднял коврик, стряхнул, свернул, уложил в пакет. В смысле у него специальный коврик. Как в храм в свою «Ауди» входит.

– Бывают и такие. Скорее всего, у него нет времени пы-

лесосить автомобиль, вот и старается не пачкать. Кстати о быстротекущем. Геннадий, вы, кажется, спешите? Зачем я вам понадобилась?

Только насытившись, я сообразила, что до этого не слишком четко видела окружающее. Словно рассвет превратился в полноценное утро. И цветные пятна на ковре сложились в узор, беспорядочные штрихи на пледах – в крупную клетку, а у двух мужчин, напряженно сидевших напротив, обнаружились внешние различия. Не такие резкие, как, к примеру, у Бориса Юрьева и Сергея Балкова, но и близнецами они мне казаться перестали. Оба шатены под метр восемьдесят ростом, накачаны сверху, худощавы снизу. Но у Михаила темные глаза, острый нос, крупный рот и квадратный подбородок. А у светлоокого Геннадия черты округлые, мягкие и гораздо более соразмерные. Не смазлив, скорее приятен. Однако Михаил запоминался, а Геннадий нет. Взглянула не без эстетического удовольствия и забыла.

Язык вдруг сделался шероховатым, мне стало не до сравнений. Кокосовая стружка на печенье! Так часто метала, что не заметила. И совсем забыла – у меня на нее аллергия. Мне предстояли не самые приятные десять минут, пока не пройдет. Но мой случай ерунда, я не люблю кокосы. А подруга одна обожает. И расцветает от них алой сыпью по всему телу, и задыхаться иногда начинает. Маялась она, маялась, и нашла выход. Две таблетки супрастина, получасовая пауза, потом до отвала «Баунти» и опять супрастин.

– Полина, вы в состоянии общаться?

Сосредоточиться, отставить подруг и шоколад.

– Да, Геннадий. Начинайте.

– Помните, мы тогда на даче разговаривали с Настей?

Точно, поглощали яичницу и тешились болтовней. Родственные души. И о чем же Настасья ему поведала? У нас с ней уговор – не трепаться ни с кем друг о друге, признавать лишь очевидное и блестящее знание биографии не демонстрировать. Неужели забылась девушка?

– Вы, правда, журналистка? – продолжил Геннадий.

Да, стоило отвлекать меня от размышлений о кокосах применительно к тонкостям человеческой натуры, чтобы учинить допрос. Я довольно сварливо пробурчала:

– А зачем Настасье выдумывать мне профессию?

– Просто мне показалось, что вы из полиции. Возможно, связаны с пресс-службой. Тесный контакт с приезжими оперативниками бросался в глаза.

И как такой остро наблюдательный Геннадий Самошев за Леонидом не уследил? Михаила вон вообще уволили. Но добросовестный профессионал окопался в кухне и по его словам «контролировал». И даже сегодня не поленился взглянуть на отъезд Сергея Степановича Илонова.

– Я когда-то писала об этих убийщиках. Сами знаете, могли отмахнуться, посмеяться. А они взяли начинающего репортера на выезд, много чего терпеливо растолковали. В статье я умудрилась не наврать. С тех пор, если вдруг пересе-

чемся, они меня не особо рьяно шугают.

Ага, восстановилась способность без подготовки плести небылицы нелитературным языком. От количества и качества съеденного она у меня зависит, не иначе. Надо запомнить: сок, печенье, груша. Я где-то вычитала, что все наши депрессии, истерики, тревожные состояния, склонность к мерзлячеству и тому подобное – от нехватки определенных витаминов и микроэлементов. Некоторые ученые причиной того же пьянства считают нарушенный обмен веществ. Так числишь себя годами в утонченных, чувствительных, творческих, а на самом деле являешься грубой бездарной скотиной, которая неправильно питается. «Не отвлекайся, – вновь призвала я себя. – Неужели совсем нюх потеряла? Самошев нервничает, готовясь сообщить нечто важное. Разумеется, важное для себя. Но вдруг оно и тебе пригодится. Что происходит? Почему ты будто целью задалась не слушать его?»

Мое состояние каким-то образом передалось Михаилу. Может, лицо сделалось отсутствующим, или взгляд рассеянным. А, может, у него в организме железа не хватает, вот он и интуичит.

– Гена, давай ближе к делу, – подогнал он друга. – Если сейчас в доме кто-нибудь проснется, вам не удастся поговорить.

– Действительно, сидим, будто революционеры подпольщики. Заговор-то будет? Или подискутируем, «Марсельезу» тихонечко споем и разойдемся?

Я пошутила, каюсь, тяжелоовато, но Геннадий взял сигарету из пачки подрагивающими пальцами. Руки у него были натруженными, словно родились гораздо раньше всего остального и работали над созданием этого самого остального. Странное впечатление. На меня такого никто еще не производил. Он глубоко затянулся, поднял плечи до ушей, резко опустил и, наконец, решился.

Через пять минут я оценила присутствие Михаила. Не желала при нем выглядеть психопаткой, поэтому не вскочила и не убежала. Неимоверную глупость совершила бы. Но по порядку.

Геннадий Самошев огорошил меня, что называется, слету. Оказывается, у них с Леной ничего не было, совсем-совсем ничего, разве что взаимные уважение и симпатия. Когда я была замужем, мы с Михаилом тоже друг другу симпатизировали, но Полей он меня не называл. Я вспомнила своеобразный диалог Ленки и Геннадия у ворот коттеджа, недвусмысленный намек Настасьи на сексуальную неудовлетворенность приятельницы в браке с Леной, и с тяжелым сердцем позволила себе не поверить парню. В тот момент мне и захотелось хлопнуть дверью, да погромче. Треугольник хозяин – хозяйка – старший охранник не впечатлял. Более того, я попросту струсилa. За двое суток услышать, что Леонид смертно пил, вероятнее всего, разорился, а у Ленки с Геннадием цвел махровым цветом роман – это не всякие нервы выдержат. Что будет дальше? Как выразилась Настена,

«я предпочла бы не знать». Я пожалела о собственной неспособности давать обратный ход. Нет во мне соответствующего устройства, хоть плачь. И плачу порой. Опять тот случай?

Геннадий Самошев, сказав по его мнению главное, успокоился и уже поувереннее начал распространяться о том, что «вдруг со стороны кто-нибудь трактовал их отношения с Леной как-то иначе». В общем, все сволочи, только Лена с Генной ангелы.

– Зачем вы мне это говорите? – не справилась с ролью восковой фигуры я.

– Настя сказала, что вы сомневаетесь, покончил ли Леонид Александрович с собой. И что переубедить вас практически невозможно. И, когда я Лене укол делал, открытым текстом шпарили про убийство: «Хозяина ширнули»... Ваша дружба с сыскарями очевидна. Полина, умоляю, не мутите воду. Не заставляйте полицию копать в нашей личной жизни. Они с подачи журналистки могут и рукава засучить. Я понимаю, вы из лучших побуждений. Считаете, что добиаетесь справедливости. Но он сам себя прикончил. Сколько людей колется без помощи медиков. Попасть в хорошую вену, тем более имея жгут, в состоянии любой мужик.

Ну, недотепа. Муж для него Леонид Александрович, а жена Лена. Еще удивляется чужим трактовкам. Но про диплом медбрата, некогда полученный Садовниковым, он представления не имел.

– А вскрыть хорошую вену мужику не проще?

На миг я почувствовала настоящую ненависть к себе. Если задаться целью возлюбить ближнего, как себя, то тогда я имела право на человеконенавистничество. Упертая тупица, все еще выбираю за Леню способ самоубийства, хотя ночью Измайлов вполне убедительно доказал мне, что «садовниковский» мало чем отличается от других.

– Вы действительно не верите и действительно не остановитесь, – пробормотал Геннадий, и желваки под кожей ходунном заходили.

– А вы отдаете себе отчет в том, что представили идеальный мотив для убийства Садовникова? – спросила я.

«Санинструктор» медленно повернулся к Михаилу:

– Ты посоветовал открыть правду именно ей. Ты ручался: «Полина Аркадьевна свой человек, все поймет».

– Я от своих слов не отказываюсь, – привстал его надежный друг.

– Погодите драться, – вмешалась я. – Геннадий, отвечайте коротко и четко. Лена знает о сегодняшнем разговоре?

– Нет. И не должна. У нас с ней ничего не было, клянусь.

– Не надо кляत्व. Я из тех, кто учитывает желания, намерения и мечты наравне с действиями. У вас есть мотив. Но и алиби, насколько мне известно, тоже.

– Мы все были в сторожке. И участок прочесывали втроем, хотя я мог остаться. Но поразмяться тянуло.

– Тогда из-за чего сыр-бор?

– У Лены нет ни мотива, ни алиби. Но мотив легко выду-

мать.

Ничего себе поворотец! На нем, неожиданном и угрожающем, я и пришла в себя окончательно.

– Никак не соображу, Геннадий, что вы затеяли. Но на счет Ленки при мне поаккуратнее. Убить мужа, чтобы порадовать его деньгами любовника, не в ее духе. Теперь, раз сказали «а», давайте дальше по алфавиту. И не вздумайте капризничать, уже не пройдет. Итак, кто неверно истолковал вашу «просто взаимную симпатию»? Когда? При каких обстоятельствах? Чего требует за молчание? И основное – не запихал ли этот факир в рукав фотографии, видео, пленки с записями любовного воркования?

– Мертвая у вас хватка, – зло процедил охранник.

– Обычная журналистская. Один нюанс – кто-то доверяет, но проверяет, а я изначально никому не доверяю. Потому что люди только воображают, будто ведают, что творят. Михаил дал вам дельный дружеский совет. В таких ситуациях надо рассказать равнодушному к судьбе Лены человеку все. Вы хорошо слышите? ВСЕ! Я, между прочим, весьма отдаленно напоминаю нормального человека. Поэтому выложу вам то, чего выкладывать нельзя. Сыскари, как вы их назвали, не видят оснований для дальнейшего расследования. Их заключение – самоубийство. И никакой «подачей журналистки» это гордое убеждение не поколебать. Вы согласны с ними?

– Целиком и полностью, без дураков, – почти взвизгнул Геннадий.

– Из числа дураков вы исключили себя и меня? Так вот, меня оставьте. И объясните дуре, кого и чего боитесь.

– А смысл, если убойщики больше не суеются?

– Я согласилась остаться дурой, но не в дурах. Вы осведомлены об обстоятельствах смерти Садовникова не менее подробно, чем они. Однако суетитесь. Играете на грани фолла. Почему?

Он попытался сделать возмущенный вид, даже рукой протестуяще взмахнул. Надо было дожимать сейчас:

– Геннадий, вы ведь не совета просили у Михаила, а какого-то содействия. Но оба ума не приложите, что следует делать. Тогда и решили позвать меня. Наверное, за удачу приняли, что жизнь обоих вынудила со мной познакомиться, а сейчас жалеете. Михаил, ты позвонил бы мне, не заявись я вчера сюда?

– Не знаю, – озадачился страж тела. – Скорее всего, да. Воспользовался бы знакомством, чтобы помочь Гене.

– Гложет вас нечто, господа, гложет. Вытаскивали вы меня из дома на авось, вдруг что-то подскажу, сама о том не догадываясь. Только не складывается у нас по-вашему. В общем, карты на стол. Теперь, когда Геннадию удалось вбить мне в голову, будто некто добирается до Ленки, я не отступлю.

– Она не отступит, – буркнул Михаил.

– Черт с ним, сами наравались, – шумно вздохнул Самошев. Посмотрел на часы и вдруг затараторил без передышек и перекуров.

В вечер гибели Леонида его вызвал на улицу коммерческий директор фирмы Ярослав Васильевич Кривцов. И произнес дословно следующее:

– Ваше с мадам Садовниковой неровное дыхание друг к другу за километр слышно. Размечтался перебраться из каморки для прислуги в спальню и возглавить контору? Бабе это кажется логичным и элементарным? И тебе тоже, неуч? Крестись, когда кажется.

Он повернулся спиной к остолбеневшему Геннадию и тяжелой поступью направился в коттедж, где трудились оперативники.

– Вы же солдат, Геннадий. Догнали бы и врезали ему по морде, – встрепелась я.

– Полина, я испугался за Лену. Мне не трудно защитить ее от насильника или грабителя. Не в рыло дам, убью. Но я не справлюсь с сыскарями, если им прикажут переиграть самоубийство в убийство.

– Кривцов прикажет?

– Откуда мне знать. Но эта нудная тварь отродясь без задней мысли слова не вякнула. Ваша правда, я приехал к Мишке с предложением отметить его хорошенько и выяснить, что он имел ввиду. А Мишка предложил, раз вы всем подружка – и Лене, и Леониду Александровичу, и полицейским – попытаться хоть что-нибудь из вас вытянуть.

– То есть спросить, – быстро поправил его Михаил.

– Вытянуть, – заупрямился Геннадий.

– Вытянули? – хрюкнула я.

– Не смейтесь, – поник головой Геннадий Самошев, – мы сами все растрепали.

– Полина, извини, безвыходное же положение, – смущенно произнес Михаил. – Оконфузились, факт. Честно говоря, я думал, Лена с тобой откровенничала и про мужа, и про Генку. А этот Леонид Александрович – про своих замов. Тебе вечно норовят исповедаться. Располагаешь.

– Положим, некоторые и надуть не откажутся. Не подливайся. Я тебя прощаю за преданность здешним обитателям. Михаил, Геннадий, ребята, обоих заклинаю, не записывайтесь в самодеятельность. Предположим, Кривцов старался вывести из равновесия Геннадия и через него Ленку. Не вывел. Должен пробовать еще. Надо ждать. Было бы ему выгодно натравить на них, как на сообщников, полицию, не предупреждал бы. Тут что-то не так. Или не то. Может, он сам еще не придумал, как они убили Садовникова? Я, честно говоря, тоже. В любом случае это была провокация. Чем дольше не поддадимся, тем спокойнее.

– Нашего полку прибыло, – уныло констатировал Михаил. – Раньше вдвоем не знали, что предпринять. Теперь троим знать не будем.

– Я к вам третьей не нанималась.

– Ты сказала «не поддадимся».

– Как сказала, так и сделаем.

– Потом бросим жребий, кто будет командиром, – смор-

щился в улыбке Геннадий, будто она была ему маловата. – Мне пора возвращаться в коттедж. Спасибо, Полина, вы действительно отзывчивая. Надеюсь, все утрясется. Значит, вас можно будет побеспокоить, если что?

– А мне вас?

– Договорились.

Он ушел. Меня подмывало сказать Михаилу пару ласковых. Но сразу после исчезновения Геннадия Самошева в дверях комнаты возникла Юлия в розовой пижаме с синими коготками. Это зрелище было не для моих расшатанных нервов. Михаил побагровел и укорил белокурую прелестницу:

– Ты чего в таком виде? Никакого уважения к старшим.

Я поспешно распрощалась. Меня уже мутило от взаимоотношений тел с телохранителями.

Мы встретились с Настасьей в метро. Двадцать лет вместе катаемся, а еще не разлюбили. Я робко спросила, удалось ли ей восстановить проходимость кишечника.

– А то, – рассмеялась подруга. – Полопает еще аспирант в свое удовольствие.

– Если с голоду не сдохнет, пока в профессора выбивается. Американские.

– Не каркай, Поля.

«Она успела прооперировать двух страждущих, жизни людям спасла, – понесло меня. – Я же палец о палец не ударила. Профессия – потребительница. Срамно, Полина».

– Чего приуныла? – спросила Настасья. – Песни горланить не обязательно, но держи себя в руках. Ленке хуже.

– Ты что подразумевала под трагифарсом? Я чуть сознания не лишилась, когда услышала.

– Не цепляйся к словам, Поля. Ленка позвонила, и пока мы с ней разговаривали, ее раз пять какое-то мужичье окликало приказным тоном. Будто она каждому в собственной квартире секретутка. Я ожидала, ей теперь молча в пояс будут кланяться, прежде чем обратиться. Наследница же.

– Будут, но попозже, когда осознают, – неуверенно предрекла я. – Насть, а Насть, разреши мои сомнения, пока я не чокнулась. Мог Леня сам себе в вену укол сделать?

– Конечно. Это только кажется, что трудно. Масса небогатых хроников не связывается с сестрами из поликлиник, находится на полном самообслуживании. И внутримышечные, и внутривенные насобачились делать. А Ленька окончил медучилище.

– Ты знала и молчала? – взвилась я.

– Я обещала сохранить его секрет даже от тебя и от Ленки. Случайно вышло. Он же не умел в чем-то не разбираться. Однажды консультировался со мной по поводу папилломы...

– Чего?

– Бородавки, не дрейфь. Я говорю: «Как бы тебе, Ленечка, подоступнее объяснить»? Он и выпалил: «О доступности можешь не беспокоиться».

– А почему с нами скрытничал? У меня есть бумажки с курсов машинописи, с компьютерных, я ими горжусь.

– Не хотел выглядеть хоть в чем-то несостоявшимся. По-моему, Поля, он не исключал, что вы заподозрите провал на вступительных экзаменах в медицинский институт.

– Можно подумать, в экономический поступить было легче.

– Не бери ты в голову, – хохотнула Настасья. – Ему уже все равно, отмучился. Как думаешь, у Ленки найдется что-нибудь в холодильнике? Давай тортик купим.

– Для нее или для тебя?

– Жрать дико хочется, не спорю.

Я вспомнила свой недавний обморок и ринулась в ближайшую кондитерскую. Морить хирургов голодом – преступление. Настасья, которой приходится изворачиваться, доказывая мне, что очередная пицца или пирожное не противоречат ее новейшей диете, а чуть ли не ею являются, расстрогалась от такой прыти.

– Заказывай, что хочешь, – предложила я. – Деньги есть. Являться с тортом к Ленке неудобно. Как-никак символ торжества. А нам нечего праздновать.

– А ты?

Я смотреть не могла на сладкое после печенья, сока и груши. Селедочки бы. Солянки бы мясной. Но они в меня вряд ли поместились бы.

– Черный кофе без сахара. Ты пахала, я бездельничала.

Справедливо.

– Поля, в медицине существует понятие – пониженное питание. Это про тебя. Еще несколько месяцев упрямого недоедания, и станешь сонливой, апатичной, будешь жаловаться на упадок сил и хроническую усталость, – оседлала любимого конька Настасья.

– Не запугаете, доктор. Перечисленные напасти как раз одолевают меня сытую. И вообще я читала, что недостаток калорий способствует невероятной двигательной активности.

– Для любого животного нормально с голодухи активизироваться в поисках пищи.

– Но я не еды хочу, а деятельности.

– Эту стадию, Поля, лечат психиатры, – сурово сообщила Настасья.

– Не надо про них, – взмолилась я. – Вчера просила Вика молчать про спиртное. Скоро у вас тем для бесед со мной не останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.